

В ТЫЛУ ВРАГА (записки партизана)

Мы отступаем

Еще ранним утром наш полк жил мирной лагерной жизнью. Бойцы весело плескались в тихом Немане, вспоминали вчерашнюю кинокартину, смеялись... И вдруг боевая тревога.

Сначала подумалось: маневры. Но лицо Верховинского, командира роты, было необычайно серьезным и взволнованным.

— Товарищи! Получено боевое задание: занять оборону на том берегу Немана. — Шаго-ом марш!

Последние сомнения исчезли, когда за рекой загремели первые артиллерийские выстрелы, а вслед за тем над Гродно закружились немецкие самолеты. Первый, сделав разворот, пошел в пике, и черные болванки бомб посыпались на город. За первым пикировал второй, третий. Гродно заволокло дымом.

Война началась.

Нашу роту усилили пулеметами и выдвинули вперед для встречи танков противника.

Окопались по обеим сторонам дороги. Ждем.

Хотя я числился разведчиком при командире роты, на этот раз взял «станкач» и окопался с расчетом на правом фланге. Пулеметные ленты набиты, вода в кожух залита, ориентиры намечены...

Уже темно, а танков противника нет.

По цепи передают приказание: сниматься. Рота получила новую боевую задачу: подойти к Неману и помешать возможным попыткам противника переправиться через реку.

Взошла луна, когда рота вместе с какими-то другими отделениями расположилась на крутом обрыве, поросшем мелким кустарником. Под обрывом — долина, а за ней чернеет полоска леса. Это берег Немана.

Ко мне подходит Верховинский.

— Со мной в разведку!

— Есть!

Втроем спускаемся по склону: Верховинский, командир соседней роты и я. Зрение и слух напряжены до крайности: ухо отмечает каждый трепет листа, каждый шорох, хлопок крыльев или посвист птицы... Идем осторожно, медленно, часто останавливаемся. Кругом — тишина, если не считать далекого артиллерийского гула за Неманом.

Спустившись в долину, останавливаемся. Луг без единого бугорка. Луна светит прямо в лицо. Слева, совсем недалеко от нас, мелькнула черная фигура и скрылась в кустах орешника.

— Разведка противника...

Мы тихонько окружили кустик. Мои спутники выхватили револьверы и направили их на черную массу куста.

— Бросайся с кинжалом прямо в куст и коли, — шепчет Верховинский.

Мне страшновато, но я все же вытаскиваю из чехла штык-кинжал, с ожесточенным видом делаю рывок вперед и, конечно, никого не нахожу.

Вернувшись из разведки, я свалился в окоп и сразу же заснул. Разбудили меня перед рассветом.

— Отходим...

— Как отходим? Куда отходим?

Долго не верилось в это, но когда рассвело и мы увидели, как по широкому шляху тянулись нескончаемые вереницы отступающих, и военных, и гражданских, не верить было нельзя...

Какое это тяжелое зрелище! Утешала одна только твердая мысль: скоро вернемся.

В это верили горячо, убежденно.

А над колоннами с визгом, с пулеметной дробью то и дело пролетали чернокрестные самолеты. В это утро я впервые прошел мимо убитого русского артиллериста, молодого здорового паренька. Он лежал в луже крови рядом с издыхающей храпящей лошастью. Больно сжалось сердце от сознания, что первый увиденный мною труп был трупом товарища, а не врага...

Отойдя километров на тридцать, полк снова расположился в обороне, окопался. Весь остаток дня и всю ночь ждали противника. Появился он только утром.

Мы встретили его атакой, заставили отойти, захватили пленных.

Около полудня немцы совсем замолкли — видимо, ждали подкреплений.

Комроты послал меня на командный пункт батальона.

Только я дошел до бора, где расположился командный пункт, ударила немецкая артиллерия.

Помню, спрыгнул в ближайший одиночный окопчик, где уже сидел боец нашего батальона. Артиллерийский налет с каждой минутой усиливался.

Тут я узнал, что значит впервые сидеть под артобстрелом.

Над нами творилось что-то невообразимое. Один за другим, противно завывая, над головами неслись невидимые страшилища, оглушительно рвались где-то совсем рядом. Визжали осколки, земля тряслась, окоп осыпался. Казалось, очередной снаряд с грозным ревом устремляется именно в наш окоп. Вот он уже близко, вот падает на нас, на нас... Но снаряд разрывается где-то недалеко, — и опять визг, опять ходуном ходит земля, обрушивается окоп...

Не знаю, сколько времени прошло до той поры, когда я в перерыве между двумя очередными взрывами услышал спокойный уверенный голос. Он доносился откуда-то сверху-

— На левом фланге десять танков противника... Передайте командиру полка: на левом фланге десять танков!

Выглянув из окопа, я увидел на высокой сосне лейтенанта Цыкупкова, начальника штаба батальона.

- Сообщите командиру левофланговой роты: танки движутся в обход его фланга! - передавал Цыкунков.

Почти рядом с моим окопом оказался КП батальона. Над бруствером я увидел вторую фигуру — младшего лейтенанта Ахлюстина, склонившегося над телефоном. Фуражку с малиновым околышем он надвинул на самые брови, черный ремешок ее перекинул вниз, за подбородок, чтобы фуражку не сдуло взрывной волной...

—Взводу ПТО вести наблюдение за танками! — кричит Ахлюстин в телефонную трубку. — Брать на прицел. Огонь — по моему приказу!

Эти два командира меня словно переродили. По-прежнему над головой визжали мины и снаряды, со страшной Силой рвались вокруг, но страха уже как будто не было.

С этого дня бои уже не прекращались. Бои и марши. Рота наша таяла на глазах. Но и враг нес огромные потери. Значительно превышая нас численно, он устилал горами трупов каждый свой шаг вперед.

На всю жизнь запомнились эти дни. Запомнились сотни примеров самоотверженности, терпения, выносливости.

Один раз мы оказались прижатыми к Неману. Выход оставался только один: немедленно перебираться через реку.

Немецкие танки гудели на дороге, скрытой леском в сотне метров от нас. У нас осталось очень мало патронов, а гранат уже не было совсем. Надо было перебираться. Но как? И что нас ждет на том берегу? Видим раскинувшуюся там деревушку, лодки на причале. И все. На нашем берегу лодок нет. Река широка.

Командир вызвал охотников переплыть реку и доставить сюда лодки... И сейчас же один из бойцов вышел вперед.

— Я готов, товарищ командир!

Он быстро разделся и с разбегу бросился в волны. Глаза бойцов прикованы к его загорелым плечам и стриженной голове. Наша судьба в умении и силе этого паренька: переплывет, доставит лодки — переправимся. Он это чувствует. Видим, что выбивается из сил, но плывет.

Вот он проплыл середину, лег на спину и почти погрузился в воду.

— Тонет, тонет, — тревожно говорят бойцы.

— Не тонет, а отдыхает...

— Доплывет! Такой парень огонь и воду пройдет...

Уже несколько бойцов разделись, чтобы плыть на выручку смельчаку. Но он снова взмахивает руками — вперед, к берегу, где качаются у причала лодки.

Из-за плетней деревушки показался человек. Он направился к берегу. Кто он? Зачем идет? Возможно, в деревне немцы? Может быть, нашего героя, голого, безоружного, ожидает смерть? Бойцы приготовились — залегли, взяли неизвестного на мушку.

Однако все обошлось хорошо. Человек из деревни помог бойцу отчалить лодку, сам сел в другую — двое приплыли за нами. Рота быстро переправилась.

С остатками полка движемся по тылам врага - на восток. Нас не больше полтора человека, в том числе немало бойцов, потерявших свои части. Командует полком лейтенант Цыкунков — тот, который так смело командовал во время артналета.

Ни артиллерии, ни обоза. Безостановочное движение днем и ночью, с боями, под обстрелом и бомбежкой изнурило бойцов. На привалах засыпали немедленно, будить людей приходилось чувствительными пинками, и никто на это не обижался.

Помню нашу последнюю атаку. Солнечное утро. Впереди зеленеет лес, с опушки которого бьют немецкие пулеметы...

В атаку двинулся не только наш полк, но и бойцы других дивизий и полков, соединившиеся с нами. Слева и справа — на три километра по фронту — усталые, измотавшиеся бойцы и командиры молча шли, изредка стреляя. Многие падали, ползли обратно, истекая кровью. Но остальные шли во весь рост, не обращая внимания на свист пуль.

Не поддержанная артиллерией (снарядов не было), атака захлебнулась. Мы вернулись на исходную позицию, в низенький кустарник, и сразу же по нам ударила артиллерия, откуда-то появилось проклятое стальное коршунье...

В огромной воронке от бомбы собралась группа бойцов. Подходит старший лейтенант-артиллерист.

— Приказ: выходить из окружения по группам. Кто со мной, становись!

Встали все, кто был в воронке.

- Сейчас мы пойдем на правый фланг противника, — продолжал старший лейтенант. — При встрече с врагом открывать самый беспощадный огонь. Патронов пет? Штыком пробиваться! Только вперед!

Жгучее июльское солнце. Горячее марево с серебристыми чуть заметными потоками струится над высокой рожью. Покинутые жителями, сиротливо молчат разбросанные по полям хутора.

Мы знаем: слева в лесу — немцы, на них мы ходили в атаку, справа в лесу — тоже немцы, бьют из пушек и минометов. Путь один — по открытому полю, зажатому между лесами.

Шли, прячась в посевах, петляя по низинам. Не доходя до бугра с тремя соснами, остановились.

— Вот хороший ориентир! Он, конечно, уже пристрелян, — сказал старший лейтенант. Решаем не огибать высоту — очень далеко, — а идти прямо па нее. Но лишь только мы приблизились к высоте, в воздухе закипело: Тюф, тюф-тюф. Снаряд. Залегли. На высоте, около сосен, — взрыв.

— Придется через высоту перебежками, — говорит старший лейтенант, хотя знает, что бегать уже никто не в силах. Разрывы учащаются. Переходим бугор по одному: Подходит моя очередь. Еще не дошел до сосен, слышу зловещее тюфканье. Лег. Оглушительный взрыв, визг осколков, и какой-то непонятный укол в ногу. Вскочил, бегу дальше. Только перебежал высоту, увидел: ботинок разорван, весь в крови. Значит, ранен.

Третью ночь тащимся лесами, проселочными и глухими дорогами. Я часто отстаю, задерживаю товарищей. Стыжусь своей беспомощности.

Сегодня безлунная ночь. Впереди темнеет лесок. Дорогу пересекает ручей. Все перепрыгивают. Я прыгать не могу, мочить больную ногу тоже не хочется. Ни слова не сказав, иду в обход. Каких-нибудь пятьдесят шагов лишних! Однако пока обходил ручей, товарищи уже скрылись. Спешу догнать их и встречаю развилку. По какой же дороге они пошли - по правой или по левой? Пробую свистеть. Наконец негромко кричу. Ответа нет. Отстал. Невеселые думы поползли одна за другой. Чего только не придет в голову в такую минуту, когда ты одиноко плетешься по тылам врага. Побывал на линии фронта, потом в родной Сибири, селе. В семье меня считали счастливым: видите ли, у меня родинка на правой щеке.

«Вот тебе и счастье!» Но не рано ли я делаю такое заключение? Я жив, в руках у меня винтовка, в подсумке остались патроны. А главное — в глубине души горело чувство гордости, что ли: как бы ни было сейчас тяжело, подлый враг неминуемо будет уничтожен.

Вечером следующего дня решил потихоньку войти в деревню. Немцев здесь еще не было. Около маленького уютного домика с палисадником сидит группа женщин.

— Хозяюшки, кто из вас покормит меня?

Самая молодая из них поднимается и приглашает в домик. Вскоре на плитке шипят кусочки сала, а потом аппетитно шкварчит глазунья.

Я умылся и осмотрелся. Крашеный пол, кафельные печи, штукатуренные стены, узорные занавески, этажерка с книгами...

Все это наводит на мысль о далеком прошлом.

Должно быть, у меня очень усталый вид. Хозяйка смотрит на меня сострадательными глазами, по ни о чем не спрашивает.

За ужином спрашиваю сам:

— Кто здесь живет?

— Семья учителей... Не убежали, некуда было бежать. Ждем теперь своей участи. Немцы к нам в деревню еще не заглядывали. Сидим и трясемся. Мой отец — директор школы, а муж

— преподаватель русского языка. Что теперь будет? Боже мой, почему наши отступают?

Я растолковал ей, как умел, и, в свою очередь, спросил:

— А где же ваши отец и муж? Она испытующе смотрит на меня.

— Вам доверять можно?

— Дело ваше... я не могу требовать...

— Отец и муж днем прячутся, а к ночи приходят. Прибрав со стола, хозяйка предлагает мне чистое белье и бинт.

— Отдохните у нас. Куда идти на ночь глядя?..

— Но ведь я подвергаю вас опасности...

— Знаю... Везде разбросаны эти немецкие листовки: если у кого-нибудь обнаружат советского военного, расстрел и ему, и хозяйину. Так что ж теперь? Не пускать никого, не кормить, не поить?

В сумерках приходят отец и муж хозяйки. Следом за ними на пороге появляются еще две фигуры: черноволосый мужчина в очках и его жена с ребенком на руках. Это — родственники хозяев, бежавшие из Новогрудка.

Завязывается невеселая беседа: о войне, о немцах, о будущем. Потом идем па гумно спать: беженцы из Новогрудка и я.

Утром я просыпаюсь от грохота. Колонна танков движется в пяти шагах от меня, за стеной гумна, по узкой мощеной улочке. Запах бензина, дыма и гари. Ворота гумна чуть приоткрыты. Осторожно выглядываю в щель:

немцы.

Нет ни беженца, ни его жены. Когда они успели уйти?

И почему не разбудили меня?

Кто-то посапывает на постели. Приоткрываю одеяло — ребенок. Не успели взять. Спит, безмятежно причмокивая пухлыми губками. Для него не существует ни войны, ни

немцев.

Прогрохотали танки. За ними пошли грузовики с горланящей пехотой в кузовах. Одна из машин остановилась (как раз напротив гумна. Солдаты, гремя о бульжник коваными сапогами, пошли по хатам. Несколько человек проходят в домик учителей. Я слышу, как стучат их подковы по ступенькам крыльца. Слышу голоса, похоже не то на команду, не то на ругань. И вдруг слабый оклик:

— Товарищ боец...

Резко оборачиваюсь. От противоположных ворот гумна идет беженка из Новогрудка. Она простоволоса, испугана, говорит тревожным шепотом:

— Простите, не успели вас разбудить... Муж едва скрылся... А вы не хотите кушать?

Недоуменно смотрю на нее. Но она, словно не замечая моего недоумения, вытаскивает из-под кофточки кружочек колбасы, завернутый в тряпицу, и торопливо сует мне в руки. Потом наклоняется над ребенком.

— Спит? Не плакал? Вы успокойте, если заплачет. И на случай, если немцы обнаружат, запомните: вы — мой муж...

Поцеловав и прикрыв ребенка, женщина быстро вышла. А в домике творится что-то неладное. Крики, ругань, женский плач. Затем шаги по бульжнику. Идут сюда, к гумну. Сейчас откроют ворота... Приготовился стрелять. Но немцы открывают двери хлева, пристроенного к гумну. Что-то говорят между собой. Раздается выстрел — и пронзительный, истошный визг свиньи. Впрочем, визг быстро смолкает. Мастера все-таки немцы на такие дела. Вытаскивая свинью из хлева, они весело хохочут.

Через минуту снова скрипнули задние ворота гумна и появилась та же женщина. На этот раз с большим узлом.

— Скорее надевайте, — шепчет она, бросая мне кучу одежды, — и выходите отсюда. У нас обыск.

Напяливая на себя гражданскую одежду, слышу, как у самых ворот гумна точат ножи, пыхтят и о чем-то шепчутся мясники, разделяющие свинью. Но мне выходить не в эти ворота. Прячу винтовку под кули жита с мыслью, что скоро вернусь за ней.

В окружении

— Куда ты меня ведешь? Фронт, фронт. А где он, фронт? Целый месяц идем — ста верст не прошли... Дальше не пойду! Понимаешь? Не пойду!

Все равно не сегодня, так завтра сдохну, как пес... Ну отдохнем же хоть чуточку!

Мой новый знакомый, Чубчик, действительно истощен. Он только что перенес тяжелую болезнь, которая чуть не свела его в могилу. Болел он на ногах, в пути. Я, как мог, ухаживал за ним. Собирал в лесу ягоды, чтобы делать из них взвар. Помогало. Один сердобольный хозяин не поспешил на самогон — налил полную фляжку. А его жена приготовила такую смесь, что у Чубчика перекашивало все лицо и глаза закатывались под лоб. Однако смесь творила чудеса, и Чубчик сейчас здоров, только страшно слаб. Лицо приняло какой-то землистый оттенок, зеленоватые глаза смотрят из-под нависших бровей невесело, хотя и цепко. Иногда он смеется, и между верхними обнаженными резцами виднеется узенькая щель. Это придает его лицу немного детское и беспомощное выражение. Кстати, и волосы у него по-детски непослушны, никакого чубчика нет, а вместо него щетинится «фаланга».

Настоящее имя моего товарища по скитаниям — Николай Иванников. Мы встретились с ним в городе Столбцы, через который я проходил, направляясь на восток. Столкнулись мы у ограды немецкой комендатуры, где толпился народ за пропусками. Пропуска выдавали тем, кто живет на территории, занятой фашистами. Я присоединился к толпе. И в самом деле, человек пятьдесят получили какие-то талоны, а остальных немцы построили, окружили конвоем и... «Шагом марш!» Тут только мы поняли, что это была за махинация: попали на вражескую удочку. Но деваться было некуда — кругом конвой...

— Вот тебе и пропуск, — жалобно сострил парень, шедший рядом со мной. Это и был Чубчик.

Потом нам пришлось восемнадцать дней просидеть вместе в четырехугольной каменной коробке. Лишь на девятнадцатый день мы бежали, выпрыгнув из вагона поезда, тащившего нас на запад.

И вот мы снова идем к фронту. Идем ночами, а днем сидим в лесу, в стогах, на гумнах...

На этих вынужденных остановках Чубчик рассказывал

мне свою «одиссею».

— Ты знаешь, один раз я ротой командовал. Не веришь? А случилось так. Вышли мы на большую поляну. Кругом строчат немецкие автоматчики, бьют минометы, люди мечутся и не знают, куда дальше двигаться, — нет командира. Одни повернут туда, другие сюда. А я как раз оказался на бугорке. Вот бы, думаю, дать всем одно направление. И кричу, размахиваю наганом: «Сюда! За мной! На прорыв!» Сам не верю, что меня послушают, а все-таки кричу. Смотрю, бегут ко мне. Это, понятно, придаст мне духу. Я уже команду: «Что вы, как овцы, бродите!» Делаю такие командирские жесты. И сам чувствую, что я командир. Кричу: «Вперед! Ура!» Я бегу — все бегут. И ведь прорвались. Вот видишь! И повару приходится иногда командовать ротой.

В другой раз Чубчик рассказал мне эпизод попроще, но для его природы примечательный.

— Едем это мы ночью с дружкой из нашего же полка.

Едем верхами. Скучно. Молчим. Курева нет. По дороге тянутся люди, по сторонам — стрельба, ракеты, самолет с

огоньками кружится. Прямо душу выворачивает от всего этого. Я и говорю дружку: «Знаешь, брат, давай-ка песню

споем». Он сначала удивился: «Не до песен теперь да и себя будем демаскировать». А потом согласился: «Ну давай, — говорит, — только чтобы песня была настоящая».

Вот мы с ним и гаркнули. Так гаркнули, что все кругом притихли, заслушались: «По лесам, по дорогам скитались два удалых лихих молодца...» Хорошая песня! — заключил Чубчик...

А сейчас этот смельчак и певун лежал напротив меня, и его усталое желтовато-землистое лицо выражало только страдание и озлобленность.

— Не пойду дальше... Надо отдохнуть хоть немного. Свернем вон на те хутора. Отдохнем, а потом снова в путь.

Ясное осеннее утро. Голубое, чистое небо. Первозданная тишина.

Я не могу противиться настойчивым просьбам товарища.

— Ну что же, пойдём, отдохнем...

Долги томительные дни, беспокойные ночи... Рассчитывали отдохнуть на хуторах с неделю, а отдыхаем уже месяц.

С Чубчиком видимся каждый день, он все свои чувства выражает в песнях. Что-нибудь делает — поет, отдыхает — поет, идет ко мне — поет... Что за певучая натура!

Тема разговоров у нас одна: о фронте. А фронт, говорят, под Москвой. Здесь немцы чувствуют себя уже хозяевами. Вошли в роль и полицейские из местных, старшины в деревнях. Работают какие-то управы. В Барановичах создана какая-то «Белорусская самопомощь» — фашистское детище. Выходит газета, а в ней сводки: «Наши войска зни-шчали столько-то

самолетов, гармат (орудий), столько-то большевистских дивизий» и прочая и прочая брехня.

Чубчик—натура непосредственная, на него эти сводки действуют.

— Долго придется нам воевать, — вздыхает он.

— А как ты насчет леса, чтобы оттуда бить немцев?

— Хоть сегодня. Только что же вдвоем-то? Говорят, что есть партизаны, но где-то в Восточной Белоруссии. Далеко, а места незнакомые.

—Надо, чтобы и здесь были...

Мужички здесь тугие... И сердцем наши, и любят нас, и немцев ненавидят, а в партизаны... Семьи, хозяйства... За живое пока не задело...

— Но зато наши ребята, окруженцы, пойдут. Некому только организовать...

На всякий случай договариваемся готовить оружие. Мобилизовали пастушков-ребятишек, и те охотно приносят затвор, ствол с прикладом, патроны...

Мы тщательно это прячем.

— Не сплю ночами,— признается в другой раз Чубчик.— Все думаю, как это случилось, что мы долга своего не вы полнили. Не в ладах я теперь с совестью... Не в ладах.

Я его отлично понимаю, но ничем не могу утешить, когда и самому нелегко. Приходится молча слушать, как Чубчик вспоминает Волгу, Каспий, где он когда-то рыбачил с отцом. Но все чаще и чаще он говорит о родных советских людях. С Волги он незаметно переходит на Москву, на всю любимую страну.

Да, я его понимаю, и мы тоскуем вместе. Мы оба сейчас не в ладах со своей совестью.

Наши хутора называются Самарцами. На них, да и на других, разбросанных вокруг, живет много бойцов, оказавшихся, как и мы, в тылу. Я давно присматриваюсь к ним. Особенно мне нравится Николай Кулаков. Высокий, сутуловатый, красивый туляк лет двадцати двух, он смахивает на цыгана. Мы с Чубчиком договорились «прошупать» его и, если подойдет, пригласить в свою компанию.

Сегодня Кулаков сам пришел ко мне. Достал кيسет, медленно завернул сигарку, угостил меня. Долго молчал, и только на прощанье сказал:

— Приходи сегодня на Негничи, тебя вызывает капитан.

— Что за капитан? Откуда он взялся?

— Обыкновенный, наш капитан. Живет на хуторе у Марожинского. Тоже окруженец.

Под вечер иду к Чубчику. Оказывается, и его «вызывают».

Смеемся над этим словом. А в душе рождаются радость, надежда. Неужели начали раскочиваться? Неужели скоро «шагом марш!»?

Вечером все трое идем к капитану. Он нас, конечно, не «вызывал», а просил прийти познакомиться. Его фамилия Яценко. С ним живет молоденький белокрысы лейтенант, называют его просто Ваней.

Садимся за карты, долго играем в «козла». Поздно ночью, провожая нас, Яценко говорит в темных сенях:

— Родина истекает кровью, а мы сидим, сложа руки... Надо уходить в леса. Собирайтесь ко мне через денек в это же время. А сейчас займитесь оружием.

Он не знает, что у меня уже есть небольшой запас патронов да две полностью собранных винтовки. Храню их в земле, достаю иногда по ночам, долго люблюсь ими, чуть не целую ржавую сталь. Но о своем секретном складе пока молчу. Считаю, осторожность в таком деле — вещь не лишняя.

Нашего полку прибывает. Нас уже двадцать пять человек. Все мы собираемся у Яценко, но в разные дни или в разное время дня и ночи. На случай провала это хорошо. А такие случаи уже были... В одной из ближних к нам деревень арестовали шестнадцать окруженцев. Трех публично расстреляли, остальных увезли.

Из нашего подпольного отряда я знаю только Яценко, лейтенанта Ваню, которого мы избрали начальником штаба, и еще пятерых. Кто остальные — неизвестно.

Сегодня мы идем на последнее совещание: Чубчик, Кулаков, Федосеев и я. У ограды яценковского хутора нас встречает часовой Чужанов, в дубленом кожухе, низенький, плотный.

— Проходите, проходите, — говорит он густым басом.

Яценко встречает нас в тех же темных сенях. На нем

длинный тулупчик, крытый сукном. Здесь же стоит немного знакомый мне боец с соседнего хутора. В голосе Яценко слышится тревога.

— Хозяин соседнего хутора уехал в Жуховичи, возможно предательство. Будьте наготове. В случае облавы постарайтесь скрыться.

— Почему бы сейчас же не выйти в лес?

— До лесу — двадцать пять километров. Идти можно только двумя дорогами: на Мир или на Еремичи, а там — немецкие гарнизоны. Значит, выходить надо раньше, как начнет темнеть, чтобы проскочить мимо гарнизона до рассвета... Сегодня идти уже поздно... Итак, товарищи, — заключает Яценко, — завтра сбор на моем хуторе. В полной боевой готовности. К вам на Самарцы я, пожалуй, вышлю связного.

Возвращаемся ускоренным шагом. Лунная ночь. Весело хрустит под ногами снег. Морозец совсем маленький и приятный.

— Сказывал жуховичский мужичок—он ездил в Барановичи, — фронт под Москвой. Стоит, как железная стена, — говорит Кулаков.

— А все-таки трудное дело — остановить немцев на таком огромном фронте... И при таком их движении.

— Говорят, Москву защищают сибирские дивизии, — сообщает Кулаков.

— Весь народ защищает, — громко и возбужденно говорит Чубчик, убыстряя шаг.

В эту ночь мы не сомкнули глаз. Хозяева уснули или притворились, что спят, и мы открыли в комнате настоящую оружейную мастерскую. Начали сборку и чистку винтовок, нагана, патронов. Хозяинский парнишка, большеголовый белесый Колька, сначала долго смотрел на нас из т*много квадрата, что за чуланом, потом подошел к столу.

— Вы когда пойдете?

— Завтра, — не скрывая, отвечает Федосеев.

— Вы, напэвно, здрасу на жуховичску полицию налет зробите? Вот бы гада Попокова поймали. Я бы его сам вот из этого нагана — лясь!

— Что же он тебе плохого сделал? — шутливо спрашивает Федосеев.

— Людей колотит, обирает... стягивает все для немцев, — серьезно говорит мальчик. — Войта Бересневича еще поймать бы. Да его-то легко... Ему не утечи, ен пузатый, бегать не может. Его бы по пузяке прикладом, як по барабану... — Колька заразительно хохочет.

Жуховичская полиция от нашего хутора — в четырех километрах. Коля знал всех полицейских и потому так живо рисовал картины расправы над ними.

Чудесный парнишка! Всем своим детским разумом и сердцем он был за нас.

На рассвете мы заканчиваем работу. Ложусь, но не спится.

Мысленно забегаю вперед. Днем мы соберемся у Яценко, познакомимся друг, с другом. Должно быть, у нас замечательные ребята. Под вечер двинемся в лес. Войдем в Него ночью, построим шалаш. Начнется боевая жизнь. Посты, дозоры, разведка, налеты на гарнизончики. Радиоприемник отвоюем — будем слушать Москву. Вышлем связных за фронт. «Помогайте, товарищи, партизаны...» Самолет запросим. Обязательно прилетит, сбросит на парашютах гранатки, пулеметиков два-три, патрончиков, каждому автомат...

Меня будит Чужаков.

— Спать не время...

— Пора идти? — Я соскакиваю с лавки.

— Идти! — грубо передразнивает он. — Ты не знаешь, что случилось? Яценко и начальник штаба арестованы...

— Когда?

— Сегодня ночью. Их уже увезли в Мир, в жандармерию.

Я долго не могу прийти в себя, собраться с мыслями.

— Что же теперь делать? Да ты, может быть, ошибся?

Как же так?... Не может быть... все наготове — и вдруг...

Вскоре приходят Кулаков, Федосеев, Чубчик.

— С минуту на минуту жди «гостей»... Надо что-то предпринять.

— Занять оборону на наших хуторах и встретить немцев по-партизански! — предлагает Чубчик.

— Сейчас же выходить в лес.

— Нет, надо занять оборону! — настаивает Чубчик.

Хозяйка возится в кухне, но, видимо, прислушивается к нашему разговору. Открывает дверь:

— Хлопцы, вы не выдумляйте, чего не треба. Десять раз с хуторов стрелите, а за это все наши хутора спалят. Вы уж робите по-людски, чтоб народ на вас не обиделся...

Решаем: пока что, припрятав оружие, скрываться на ближайших хуторах.

Расходимся, условившись о встрече.

Я несколько дней скрываюсь на хуторах у Мошка, у Василя. Немцы не проявляют никакого интереса ни к Негничам, ни к Самарцам. С момента ареста Яценко и начштаба они даже не появлялись в этих местах. Видимо, на допросах товарищи держатся стойко, не выдают никого.

Сегодня мне крайне нужно попасть на Самарцы: первое — намечена встреча с Чубчиком и Кулаковым, второе — надо переправить винтовки. Еду с попутчицей. Мосластый рыжий мерин

еле трусит: недавно выпал снег, испортил дорогу.

Справа и слева бугры. Они тянутся далеко, куда хватает глаз. Впереди меж ними видны верхушки деревьев. Это Самарцы. До них остается каких-нибудь двести метров. Вдруг слева из лощины выезжают санки, другие, третьи — двенадцать подвод. Немцы. Едут наперерез нам И тоже на Самарцы.

Останавливаю коня. От него идет пар. До вражьего обоза не больше ста метров. Жду, когда подводы поедут и скроются за холмом. Но немцы вдруг тоже останавливаются. Проходит долгая томительная минута. Немцы стоят, и я стою. Попутчица моя бледнеет, робко предлагает:

— Поедем, а то хуже будет. Все равно теперь не сховашься...

Я не отвечаю. Не отрываясь, гляжу на вооруженных людей в шинелях. Чувствую, как под шубой колотится сердце.

Что делать? Повернуть коня и галопом помчаться обратно? Конишка паршивый — сразу догонят, схватят. Ехать на них — самому лезть в лапы.

И вдруг трогается первая подвода, за ней остальные. Вскоре все двенадцать скрываются за холмиком. Я заворачиваю коня и гоню. Комья снега вырываются из-под копыт, высоко взлетая над возком. Хлещу коня кнутом, вожжами. Ему, наверное, передается моя тревога, и он бежит, сколько хватает сил. Спутница закрыла от снега лицо воротом тулупа. Мы так мчимся километр или два. Тряхни стариной, коняга!

— Ездили когда-нибудь так быстро? — спрашиваю я.

— Не... Гэтому коню уже двадцать годов... Ен сегодня издохнет — николи так не бегал.

Прощаемся, и я снова иду на хутор Василия.

Вечером все же прихожу на Самарцы. Меня встречают Кулаков и Чубчик. Узнаю от них: немцы увезли Федосеева. Кулаков и Чубчик успели убежать в поле, а потом в Долматовскую дуброву.

— Он сидел у нас, — рассказывает хозяйский мальчишка, — и не убачил, як подъехали немцы. Схватился

было утекать, да поздно. Сидит в хате, побелел весь. Отпирается дверь, и высовывается рука с револьвером. Входит комендант жуховичской полиции Мацук. «Руки в гору!» За комендантом входит тот боец, что у Теслиюка жил.

«Этот?» — пытается Мацук у бойца. «Этот», — отвечает боец. Тогда Мацук командует Коле: «Выходи!»

Сидим молча, много курим. Еще одна потеря...

Будем так без цели мотаться, все ни за что пропадем...

— Надо что-то предпринимать...

Но что? Зима. О партизанах ничего не слышно. Есть где-то в Восточной Белоруссии. Разве туда махнуть?

— Вот что, хлопцы, — говорит Чубчик. — Пойдемте за фронт. Шестьсот километров — полмесяца ходьбы. Конечно, надо лыжи достать, без них не пройти... Думаю, через линию фронта проскочим как-нибудь ночью... А погибнем — и то дело! В бою все-таки, долг выполняли...

Долго обсуждаем этот вариант и на нем останавливаемся.

Достать лыжи, оказывается, не так-то легко. Две ночи безрезультатно ходили по ближайшим хуторам, просили, спрашивали, убеждали. И только на третью ночь на одном из хуторов нам удалось обнаружить пару настоящих беговых лыж. Кулаков поспешно взял их. При свете луны видны его оскаленные белые зубы: доволен!

Идем с Чубчиком за лыжником и завидуем. Он едет по твердому насту, высокий и какой-то величавый.

— Вот сторонка! — ругается Чубчик. — У нас у каждого школяра лыжи найдутся: в одной деревне можно на целый взвод набрать. А тут... Эх, Волга-Астрахань! Когда я до тебя доберусь?

А я вспоминаю Алтай, необозримые степи, колышущееся море пшеницы, пойму Оби...

— Придется все-таки этот план отложить, — перебивает мои мысли Чубчик. — На одной паре лыж втроем не поедешь.

— Да... Не везет нам...

К утру приходим на Самарцы.

Кулаков решил идти за фронт. Еще вчера соглашался остаться с нами, а сегодня категорически заявил:

— Иду один.

Нам не хочется его отпускать. Но он стоит на своем. Общими силами достали мешочек, две буханки хлеба. Я все еще не верю, жду, что в самую последнюю минуту Кулаков скажет: «Остаюсь, куда ж я от товарищей...»

Но вот наступила эта самая последняя минута. Все трое выходим из хаты. Луны нет, метель. Ветер свистит в верхушках деревьев, а где-то подальше, на бугре, неистово воет.

За двориком немного тише. Кулаков встал на лыжи, молча застегнул ремешки, распрямился, взялся за палки, выжидающе посмотрел на нас.

— Так что, товарищи, прощайте...

У меня в запасе последний аргумент. Пускаю его в ход.

— Прилетай к нам в партизанский отряд... Оружия вези больше... А может быть, останешься? Организовывать отряд кому-то надо...

Он молчит, обдумывает, потом тихо, чуть слышно говорит:

— От своих решений отступать не могу. Характер такой пакостный... Прощайте, товарищи...

Мы поочередно обнимаем его, целуемся по русскому обычаю. Я едва удерживаюсь от слез.

— Ну, езжай! Езжай!

Кулаков с силой отталкивается палками и скоро скрывается в мутной метели.

Проходит несколько дней, и мы узнаем невероятную новость: Яценко освобожден. Ему приказано жить на Самарцах, никуда не отлучаться, каждую неделю ходить на Жуховичи — регистрироваться в полиции.

— Как думаешь, не провокатора ли сделали из Яценко? А?

Минуту назад почти то же самое спрашивал у меня Чубчик. Я тогда ему отвечал: «Не может быть». Теперь отвечает он:

— Едва ли. Не такой, чтоб...

Так рассуждая, идем к Яценко. Теперь мы не очень опасаемся: коли уж организатора нашего выпустили, нам-то, наверное, пока ничего не угрожает.

— Если он шпион и провокатор, он снова начнет нас организовывать, а потом продаст. Но если он вышел из лап немцев по-честному, то на первых порах будет тише воды, ниже травы, — вслух рассуждает Чубчик.

— Трудно гадать...

Подходим к знакомому домику.

Яценко сидел за столом. Отмечаю про себя, что он сильно похудел и постарел, но жесткая густая шевелюра вьется так же молодо. Он встает навстречу нам, крепко жмет руки; тепло улыбается.

— Как видите, здоров... Цел и невредим.

Испытующе смотрю ему в лицо. Ничего подозрительного не нахожу: ни притворства, ни заискивания. Тот же Яценко. Значит, все в порядке...

Мы ждем, что он начнет рассказывать об ужасах немецкого застенка, но сами ничего не спрашиваем. Молчит и Яценко. Не хочет строить из себя мученика — это хорошо.

— Не верится, что выпустили... Сижу здесь, смотрю в окно и не могу привыкнуть к тому, что это действительность.

— Ну а как с Колей Федосеевым? Жив?

— Едва ли. У него наган обнаружили, а за это в живых не оставят... Немцы знают, что оружие держится не для забавы.

Запомнился и еще один радостный вечер. Прихожу как-то на Самарцы. Открываю двери — и передо мной взволнованный, радостный Колька.

— Ты ничего не ведаешь?

— Нет.

— Ничего, ничего?

— Ничего, — в тон отвечаю я.

Колька улыбается. Щеки его горят, глаза задорно смеются.

— Угадай, кто у нас за печкой? — А сам. не пускает меня к ней. — Ну, угадай?

— Не знаю, что там за чудо... Чубчик? Чужанов? Коля Федосеев?

— Не...

— Батька твой?

— Нет...

— Ну пусти же, не балуй!

Врываюсь в комнату и сразу — за печку.

— Кулаков! Цыган этакий!

Мы крепко обнимаемся. Тискаем друг друга долго.

— Вот уж не ожидал! Кого-кого, а тебя не ожидал!

Он сдержанно улыбается черными цыганскими глазами.

— Ты, конечно, знаешь новости: пришел Яценко. Кое-как выпутался. Говорит: представился неграмотным, расписывался на листах допроса каракулями. А хозяйка хутора взятку дала жандарму — ведь и хозяина арестовали... Л главное — улик против Яценко не было. Пистолет свой он не показывал тому бойцу, который выдал начальника штаба и Федосеева... Но били его крепко. И сейчас на спине рубцы...

— Все это я уже слышал: видел Чужанова, Чубчика.

— Тогда рассказывай свою историю.

— Да чего там... — Давай, давай, расписывай все по порядку.

Но ему и в самом деле почти нечего рассказывать. Уйдя от нас, он несколько дней продвигался на восток. Мешали бураны. В одном месте едва не попал в руки немцев и решил вернуться. Будь что будет, только бы с товарищами вместе. Вернулся и живет недалеко, в деревне Долматовщине. Там у него есть два товарища, хоть сегодня пойдут в партизаны. Теперь решил известить нас.

— Когда будете выходить, непременно сообщите.

Сегодня мне надо снова перепрятать винтовки. Снег растаял, и мальчишки увидели их. Об этом рассказал мне

Колька.

Как только стемнело, осторожно открываю дверь и выхожу на улицу. Долго стою, прислушиваюсь к звукам ночи, жадно втягиваю в себя холодный воздух. На хуторах лают собаки, где-то по мерзлой дороге стучит телега, где-то далеко урчит самолет. А над всем этим черное небо со спокойной звездной россыпью. Как много сегодня звезд!

Беру заранее припасенную лопату, иду в поле. Нахожу межу, высокие будылины — ориентир. Иду с ними к облюбованному месту за сосняком. Наперерез по дороге медленно движется чья-то фигура. Приседаю, чтобы лучше видеть и не выдать себя. Неизвестный останавливается.

— Ну, чего молчишь? Думаешь, не заметил? Ходи сю да, не бойся — это я.

По голосу узнаю Владимира Синько, крестьянина с Самарцев. Ему лет тридцать. Человек огромного роста, сажень в плечах, кулачище с пудовую гирию. Умеет делать все: лечить скот, сапожничать, плотничать, не говоря уж о работах по хозяйству. Однако живет плохо. Семья большая, жена второй год болеет...

Откуда он так поздно возвращается?

Подхожу.

— Я тебя сразу убачил... Ну, кажи, что за дубэльтовки у тебя? Не ховай...

— Откуда ты взялся, Володя?

— Ходил жита подкупить... Кушать нима чего... По-хозяйски ощупал ложу, ствол, щелкнул затвором.

Попросил вторую винтовку.

— Добрые штучки... В землю опять заховывать? А когда же открыто носить? Палить?

— Будет время... Ты бы, Володя, помог гранаток достать, патрончиков...

— Гранаты у меня есть. Как треба будет — отдам.

А теперь пойдём эти штуки закапывать... Не бойся, не выдам... Пойдем, знаю хорошее место.

Иду с ним. И верю в него, лохмоногого медведя, и опасаясь. Все равно перепрячу!

Но перепрыгивать не пришлось; вскоре наступил незабываемый счастливейший день, день выхода в лес для вооруженной партизанской борьбы с заклятым врагом моей Родины.

Первые бои

Ночные совещания, явки на хуторах, кропотливые поиски оружия — все это уже позади.

Впереди боевая жизнь.

В Мирский лес мы вошли на рассвете. На полях таяло, кое-где даже подсохло, а здесь, в лесу, еще держится снег. Идти тяжело: ноги проваливаются в напоенную влагой снежную кашу. Иногда приходится по пояс тонуть в холодных лужах.

Нас всего восемь человек. Но когда остановились, чтобы передохнуть, переобуться, покурить, первым делом заговорили о командире.

— Кто же будет нами командовать?

— Нечего долго думать — капитан Яценко был запевалой дела, пусть и теперь командует.

— Конечно!

С этой минуты мы стали боевой партизанской единицей.

А через два дня с помощью связных из населения мы встретились с группой Балабанова.

Балабанов — брюнет с немного вздернутым носом и маленькими усиками. Тщательно побрит, недавно пострижен. Шевелюра прикрыта новенькой комсоставской фуражкой со звездой. Серый военный плащ, широкий пояс, ремни крест-накрест. Сапоги хромовые, с блеском. Откуда такой чистый явился? Уж не десантник ли?

Балабанов заговорил первым:

— Товарищи! Немецко-фашистские варвары трепещут от народного гнева... Мы будем громить и уничтожать...

Мы не пощадим своих жизней и своей крови... Мы...

— Нельзя ли покороче? — бросил из толпы Чубчик.

Балабанов, поморщившись, переходит к делу.

— Я создал партизанскую группу из двадцати пяти человек. Предлагаю товарищу Яценко присоединиться ко

мне. У меня скоро будет два пулемета, радиоприемник. Мы

сделаем налет на местечко Мир. Разгромим жандармерию, захватим склад оружия, освободим заключенных...

— Слушай, друг, — шепчет Чубчик рядом сидящему бойцу балабановской группы, — скажи, откуда у вас такой «боевой» командир?

— Черт его знает. Говорят, сидел в плену в Мире, был у немцев холуем, бил пленных, а потом как-то выпутался. Я недавно в его группе.

Балабанов тем временем продолжал ораторствовать.

— Хотелось бы послушать вашу биографию, товарищ командир, — перебил его Чубчик.

— Я старший лейтенант. Служил на границе. Остался в тылу, сами знаете, как это произошло. Был в лагере пленных в местечке Мир. Потом освободили, послали работать. Жил несколько месяцев у пана. Вопросы будут?

— Говорят, ты в плену был командиром сотни и бил бойцов палками? — снова отозвался Чубчик.

Усики Балабанова нервно дернулись. Холодные глаза впились в Чубчика.

— Это ложь! Кто подтвердит? Кто? Тут есть бойцы, которые были со мной, — пусть скажут. Скажи, Петька!

Петька нехотя встает и говорит как-то в сторону:

— Нет, не был...

Отряд растет. Каждый день приходят местные комсомольцы, окруженцы, пленные. Однако рост этот только численный. Боевого роста нет. Толчемся в лесу, у костров. Иногда митингуем, обсуждаем перспективы. Чубчик убежден, что виноват во всех проволочках Балабанов. И своего мнения он ни перед кем не скрывает. А Балабанов, кажется, ищет случая свести с Чубчиком счеты.

Однажды на марше мой друг приотстал переобуться. Балабанов подошел к нему, вынул из кобуры револьвер. Но на защиту Чубчика из строя вышел Кулаков и остановился в двух-трех шагах от командира.

— По уставу я имею право тебя расстрелять на месте, — сурово говорит Балабанов. — Ты нарушаешь дисциплину.

— А ты немца хоть одного убил? Своего пристрелить не велико геройство. Ты вот немца убей! Честь тебе и слава будет, — резко бросает Чубчик.

Балабанов молча отошел.

Однако немцы нас заметили. В Мирские леса прибыла колонна автомашин. Прочес. Балабанов растерялся, ходит бледный, небритый. Понял ли он, что значит быть командиром?

Пока все его руководство сводится к тому, чтобы уклониться от боя с приехавшими немцами. Немудрено, что все партизаны настроены против Балабанова. Он это почувствовал и на одном из привалов отказался от командования.

Командиром был избран Яценко.

Капитан Яценко принял отряд, в котором насчитывалось уже более ста человек. Он сразу же повел нас на боевую операцию. Предполагалось разбить гарнизон местечка Старины.

Мое отделение идет в разведку. Темнота такая плотная, что, кажется, руки ее ощущают. Продвигаемся медленно. Входим в местечко. Ни звука. Проходим его из конца в конец — даже собаки не тявкнули. Местечко будто вымерло. Из конечного пункта высылаю связных к Яценко. Ждать их пришлось довольно долго. Не знаю, как дотерпел до той минуты, когда услышал их шаги.

— Где вы там пропали? В чем дело?

— Все в порядке, — отвечает один из связных.

— Где отряд?

— Отряд уже в местечке, да немцев нет. Вот в чем закавыка... Казармы пустые. Собирались, собирались, готовились, готовились... — Связной раздраженно плюнул. — Яценко приказал сниматься!

Около комендатуры выстроился весь отряд. Яценко с несколькими бойцами жгут бумаги в комендатуре и выбрасывают ящики яиц.

— Говорят, немцы готовились к какому-то празднику, подзапасились яйцами...

— А мы им приготовили яичницу, — сострил кто-то.

Но острота не вызвала смеха. Все досадают, что операция прошла впустую. Из Старины выходим в подавленном настроении. Слышится ропот:

— Ясно, что немцам кто-то донес.

Настроение понизилось еще больше, когда на пути в одной из деревень ранили партизана. Выяснить, кто стрелял, не удалось.

К утру, когда мы вернулись в свой лес, стихийно возникло собрание. Высказывались многие, и все стояли за разделение отряда. Попутно выяснили, что перед операцией в разведку ходил Балабанов с одним из бойцов. Вместо разведки они весь день пробыли в соседней со Стариной деревне и выпивали на квартире у старосты. Они-то, наверное, и выболтали наш план. Но доказать это было трудно.

Яценко пытался сохранить отряд.

— Я накажу виновных! Наведу в отряде порядок. Неудачу первой операции загладим боевыми делами... Первый блин, как говорят, всегда выходит комом, товарищи!

Но его усилия не привели ни к чему. К вечеру отряд разбился на мелкие группы. Но ни одна из этих групп не оставляла мысли: организовать новый большой отряд.

Мы во главе с Яценко двинулись в Налибокскую пушу.

В Налибоках

В Налибокской пуше мы оказались первыми. От жителей узнали, что здесь не раздавалось еще ни одного партизанского выстрела. В деревнях прочно сидели старосты. В центре пуши, в местечке Налибоки, работал бургомистр, гражданский начальник над всем районом, и охраняла «новый» гитлеровский «порядок» полиция.

На вторую ночь, узнав, что в селе Нивном есть небольшой маслозаводик, мы разрушили его. С тех пор немцы не получали из Нивного масла, а окрестные хутора освободились от молокопоставок.

Через два-три дня крестьяне деревни Нестеровичи пожаловались нам, что деревенский староста выслуживается перед немцами, выдает людей, преданных Советской власти. Мы арестовали старосту. Весть об его исчезновении быстро разнеслась по окрестным деревням. Многие из старост отказались от своих должностей, и «вакантные» места никто не хотел занимать.

Но эти робкие шаги нас, конечно, не устраивали. Хотелось настоящих боевых действий.

Как-то мы подошли к озеру Кромань. Здесь стояло несколько хуторов. В беседе кроманцы сообщили, что комендант налибокской полиции недавно проехал на велосипеде в местечко Щорсы, очевидно, скоро будет возвращаться обратно в Налибоки. Решаем поймать коменданта. По очереди дежури́м в засаде у дороги. День, другой... На третий слышим на дороге выстрелы.

— Наконец-то проклятый комендант попался! — говорит на бегу Чужанов.

Добегаем до места засады, встречаем Чубчика и его молодого приятеля Олега.

— Где же комендант? Убили? Утек?

Чубчик смеется:

— Мы его и не видали.

— Не шутите, показывайте труп.

— Серьезно — не видели. Не проезжал. Думаете, он дурак? Поедет этой дорогой? Да он давно другим путем вернулся!

— В кого-же стреляли?

— По соснам.

— Зачем? Патроны лишние, что ли?

— Проверяли бой винтовок, — объясняет Чубчик. — Я с пятидесяти метров не мог попасть в толстую сосну. Носишь ее за плечом, а коснись дела — толку мало! — Чубчик немного помолчал и с жаром предложил:

— Ребята, есть у меня предложение: сегодня же разбить Налибоки!

— Ни раньше ни позже, а именно сегодня?

— Именно сегодня. Захватим оружие! Увеличим отряд! Пойдем к Яценко! — Все более горячился Чубчик. — Скажем ему: долго ты нас будешь водить по лесу? Не сосны надо считать, а убитых немцев! Веди, скажем, на Налибоки!

Упреки по адресу Яценко были отчасти справедливы. После неудачи в Старине он проявлял чрезмерную осторожность.

Придя к нему, мы сразу заговорили о Налибоках.

— Только сегодня же, сегодня... — настаивал Чубчик.

К вечеру отряд вышел к Налибокам.

— Какое-то безумие, — шагая рядом со мной, тихо говорит недавно пришедший к нам партизан Яша. — Их больше двадцати человек, а нас восемь. У них пулеметы и гранаты, у нас ржавые винтовки и два пистолета. Что может получиться?

— А ты не так думай, Яша. Ты думай, что в руках храбреца и палка стоит винтовки! Нас же — целое отделение! Мы решительны, злы и будем драться как черти.

Впереди шел Яценко, сосредоточенный и молчаливый. На лице его появилось выражение суровой энергии. Сейчас он действительно походит на командира.

К Налибокам подошли затемно. На отшибе заметили хутор. Заходим. Застаем мать с сыном. Постепенно сводим разговор к численности гарнизона, к размещению постов. Юноша охотно рассказывает все, что ему известно.

— А можешь ты провести на квартиру бургомистра? — Прямо приступает к делу Яценко.

— Могу. А если бы дали зброю — бить бы их рядом с вами пошел...

— Но провести надо так, чтобы миновать всякие посты.

— Понимаю, — отвечает юноша.

Мать возражает. У нее единственный сын, и она боится за него.

— Мама, да ведь я только покажу и сразу вернусь, — упрашивает сын.

— Геройский у тебя сын, мамаша, — говорит Яценко старушке. — Гордиться надо таким. Не бойся за него.

— Ну, с богом, — прощается мать, когда мы выходим из хаты.

Над пущей уже ночь. В Налибоках иногда раздаются одиночные выстрелы — это караульные подбадривают самих себя.

Юноша ведет нас околицей, по-за гумнами. Идем тихо. В ограду усадьбы бургомистра вошли с огородов. Яценко постучал в дверь сенок:

— Пане вуйт, отчините, важная справа.

Там, в избе, зашептались. Шепот тревожный, панический. На пороге стоял сам бургомистр, весь в белом: не успел одеться.

— Руки вверх! — тихо скомандовал ему Яценко.

Несколько секунд толстяк не двигается с места.

Яценко приказал ему одеться. Входим в дом.

Жена и дочь бургомистра догадались, кто мы, — плачут. Женщина порывается целовать сапоги Яценко. Он отстраняет ее.

— Если хозяин благополучно доведет нас до комендатуры — оставим его в живых, — говорит он. — Слово партизана! (Кстати, мы его выполнили.)

— Ты подведешь нас к зданию комендатуры с тылу, — тихо дает задание бургомистру капитан, когда мы вышли из дому.

Снова идем околицей. Впереди — гитлеровское районное начальство, исполняющее на сей раз обязанности партизанского проводника.

— Не вздумай бежать, — предупреждает Яша, показывая ему пистолет.

Но до побега ли толстому, испуганному, тяжело дышащему бургомистру! Он едва переставляет ноги.

Когда подошли к комендатуре, «проводник» остановился и таинственно зашептал:

— Теперь надо идти тихо, чтобы шагов не слышно было.

Подходим к зданию вплотную. Никто нас не окликает. Где-то невдалеке ходит часовой.

Во двор смотрят два ярко освещенных окна.

— Сейчас бы по гранатке в каждое, — шепчет Яша, — потом ворваться...

Но гранат нет.

— Ваня, — шепчет мне Яценко, — ты пойдешь в комендатуру.

— Есть.

— И ты, Володя, — приказывает капитан Чужанову.

— Есть.

— Остальным окружить дом!

Мы шагнули вперед, подталкивая вконец перетрусившего бургомистра. Поднялись на крыльцо, вошли в пустую комнату. На правой стене висит огромный портрет Гитлера. Налево — зеркало. Осмотрелись и увидели дверь во вторую комнату. Попробовали тихонько открыть ее — не поддается: закрыта на крючок изнутри. Знаками показываем бургомистру, чтобы он постучал в дверь и попросил разрешения войти. Он повинуется.

В ответ на стук доносятся приглушенные голоса. Бургомистр называет свою фамилию, говорит еще что-то на польском языке. Вскоре брякнул крючок, и дверь отворилась.

Следом за бургомистром в комнату входим мы с винтовками наперевес. За столом два гитлеровца — в полной форме. Один из них держит трубку телефона.

— Ни с места! Хэнде хох!

Гитлеровцы словно пристыли к стульям. Не встают и рук не поднимают. Я беру со стола карабин, отставляю его к стенке, потом толкаю в грудь гитлеровца стволом своей винтовки. Он нехотя встает, вяло поднимает руки. А в комнату уже входит Яценко. Быстро срывает с того, который у телефона, личное оружие вместе с ремнями, рвет провода. Наган отдает Чужанову.

— Что там? — сурово бросает Яценко бургомистру, показывая на следующую дверь.

— Склад.

Оставив меня стеречь гитлеровцев, Яценко с Чужановым уходят в склад. Через минуту возвращаются с винтовками.

— Там муки несколько мешков. Л ну-ка, за мукой! — приказывает Яценко бургомистру и арестованным. — Сопро-
вождай их, Володя!

Яценко посылает меня на улицу сторожить вход. Выхожу на освещенное крыльцо. В местечке тишина. Иногда хлопнет выстрел, залает собака. Вражеские караулы не подозревают, что в комендатуре орудуют партизаны. Из-за угла показывается Чубчик, спрашивает:

— Ну что там, скоро? Поймали кого?

— Скоро, скоро. А поймали только двоих. Чубчик ворчит на Яценко:

— Ведь просился первым войти в дом. Не разрешил. Это за мою прямоту...

Он снова скрывается за углом: нельзя оставлять свой пост.

По улице движется человек. Приближается ко мне. За плечом у него винтовка. Зову: «Ходи сюда!» Вот он подходит ко мне вплотную, и я хватаюсь за его оружие.

— Отдай!

Через несколько секунд винтовка оказывается в моих руках, а сам караульный предстает перед капитаном Яценко.

— Бог троицу любит, — смеется Чужанов.

А пленный еще не может понять, что с ним произошло.

— Я часовой, — серьезно заявляет он, — полицейский.

— Сами видим, что за птица, — обрывает его Яценко.

К капитану подходит Чужанов. Он вертит в руке наган и просит:

- Товарищ командир, разрешите опробовать трофейное оружие...

Пленные вздрагивают.

...Рассвет.

На подводы, дежурившие у пожарки (что неподалеку от комендатуры), погружены трофеи — четырнадцать винтовок, ручной пулемет, ящик патронов, несколько мешков крупчатки, шапирограф. Но мы еще не уезжаем: в двух или трех домах ищем коменданта полиции, но ищем безуспешно. И на этот раз он ускользнул.

Наконец мы трогаемся. Едем через все местечко на рысях. В окнах кое-где показываются удивленные лица.

За Налибоками Чубчик как-то особенно торжественно восклицает:

— Вот бы дать салют в честь первой нашей победы!

Мы останавливаемся, сходим с повозок и даем внушительный залп.

На другой день в Налибоки нахлынули каратели и устроили на нас облаву. Появились они и на озере Кромань, на «наших» хуторах. Но мы успели уйти в лес. А найти маленькую партизанскую группу в таком огромном лесном массиве, как Налибокская пуца, — дело почти невозможное... Постреляв, враги уехали.

После облавы капитан Яценко направил меня с двумя товарищами в Мирский район. Там у нас оставалось много спрятанных патронов, надо было их принести в отряд.

Вернувшись в пуцу через десяток дней, мы нашли своих на хуторе Трасянка. В группу за это время прибыло около десяти новых бойцов. Провели новую боевую вылазку. Прибавился еще один пулемет — танковый, то есть с танка. Нам, понятно, очень обрадовались. Чужанов потчевал мясом дикого кабана, только что им убитого, а капитан наливал в маленький стаканчик

трофейного спирту.

— Где же Чубчик и Алании? — поинтересовался я.

— Пятый день в отлучке, ищут десантников.

— Каких?

— На хутор к Михасю приходила группа неизвестных. Михась предположил, что это советские десантники. Чубчик, ясно, загорелся и сразу начал проситься на поиски. Теперь он не вернется, пока не узнает все досконально.

— Может быть, это немецкие провокаторы?

— Возможно.

В этот самый момент в дверях показались Чубчик и Алании. Легки на помине!

— Да здравствуют советские десантники! — крикнул Чубчик прямо с порога. — Москва живет!

— Что, нашли? Связались? — наперебой спрашиваем его.

— Что за вопрос! Конечно!

Качнув следопытов, принялись расспрашивать их о подробностях.

— Ну что рассказывать? Ребята свои, родные, советские...

— А есть у них радио? — интересуется Яша.

— Да разве без радио может быть десант? Эх ты, вояка. Я уже слушал Москву. Назавтра договорились с ними о встрече. Сами увидите!

Увидеть людей, только что прилетевших с Большой земли, разве это не радость? Почти с первого дня войны мы ничего не знали о том, что делается на фронтах, как живет родная страна за фронтовой линией. Сообщения немецких газет мы не могли принимать всерьез. Слухи, ходившие вокруг нас, были самыми противоречивыми и часто не вязались со здравым смыслом. Достать исправный радиоприемник до сих пор не удалось. Попадались испорченные, мы их кропотливо и подолгу ремонтировали, но ничего не добивались. В конце концов наш радиолобитель Олег безнадежно махнул рукой и больше к ним не подходил.

И вот завтра мы не только услышим Москву, но увидим людей, прилетевших оттуда, будем разговаривать с ними!

Назавтра на одном из хуторов мы встретились с десанниками. Они были в гражданских костюмах, только командир в полной военной форме.

— Старший лейтенант Цыганков, — отрекомендовался он.

С интересом смотрим на людей с Большой земли. Нам были в диковинку и их новые автоматы ППШ, и финки, и «лимонки». Но еще больше нас интересовали рассказы Цыганкова.

— Зимой немцев стукнули по-русски под Москвой. Бежали, как осатанелые. Наша конница едва за ними поспевала. Отогнали на триста километров... Великая победа!

Рассказывал он о танках, орудиях, самолетах, — безостановочно идущих к фронту, о женщинах, юношах и девочках, работающих на заводах и фабриках. Его рассказы восхищали нас, вливали новые силы.

После долгой беседы десантники повели нас в свой лагерь. Цыганков, правда, отказался взять всю нашу «делегацию» из десятка человек, а пригласил только капитана Яценко и трех партизан (в числе которых оказался и я).

Шли долго. Цыганков с компасом в руках вел нас по азимуту. Когда подходили к какому-нибудь отмеченному дереву, азимут менялся.

— Однако вас не только немцу, но и своим не найти.

— Так надо. Рация у нас — самая дорогая вещь. Без псе мы не вояки.

Наконец подходим к белой палатке, сшитой из парашютов.

— А я ведь обманывал вас, что слушал Москву, — Шепчет мне на ухо Чубчик. — Цыганков не водил нас сюда.

— Это я сейчас и без тебя вижу.

В палатке перезнакомились со всеми десанниками. Стреляли из бесшумной винтовки, опробовали термитный Шарик.

Потом радист Костя, сообразив, чего мы еще ждем, включил Москву. Мы с Яценко припали к наушникам. Другие жадно смотрели на нас, дожидаясь своей очереди. Из столицы передавали концерт — легкий, веселый. И спокойная уверенность родной страны в своих силах передалась каждому из нас.

Уходили мы от десантников в непередаваемо радостном, приподнятом настроении. Было такое чувство, словно за плечами выросли крылья. А вскоре, вооруженные толком и электробатареями, мы шли к железной дороге подрывать эшелон. Началась наша диверсионная работа.

Первые бои

С группой Цыганкова у нас установилась прочная боевая дружба. Через немного дней старший лейтенант дал нам несколько килограммов тола для подрыва двух железнодорожных составов.

Самое слово «диверсант», которое раньше воспринималось только применительно к врагу и

потому вызывало отвращение, теперь приобрело новый значительный смысл. Диверсант во вражьем тылу — что может быть почетнее этого? Он должен быть хитер и осторожен, смел и решителен. Требуется от него и еще одно качество — исключительное хладнокровие при работе со взрывчатыми веществами.

Обо всем этом рассказывал Цыганков, провожая нас на первую диверсию.

Теперь у моих товарищей то и дело срывается с губ «диверсия», «диверсант», «взрыв», «крушение». Полюбились эти слова.

На первую диверсию вышли две группы по пять человек. Одной руководил Яценко (с ним был и я), другой — Николай Кулаков. Когда мы вернулись с задания, Кулаков со своими бойцами был уже в лагере. Чубчик с чувством рассказывал мне о своем первом взрыве:

— И вот подходим мы к железной дороге. Скоро рассвет. Немного подождали, слышим — эшелон стучит. Мы с Кулаковым скорей на полотно. Грунт твердый. Кинжалом подкапываем под рельсом ямку для рапиды. Вдруг два немца идут — проверяют дорогу. Спрятались мы за насыпь. Не заметили, прошли. Разговаривают громко, страх отгоняют. А поезд уж совсем близко — кажется, вот-вот подойдет. Я тороплю Кулакова, а он и ухом не ведет. Тихонько, вежливо настраивает рапиду, провода проверяет, в батарееке копается. Будто не на полотно сидит, а в классе, подрывное дело изучает. Пень — не человек! Я даже рассердился. И чуть мы успели отбежать от насыпи, как эшелон наскочил на заряд. Вот было шуму! Грохот, вой, крики... Состав был пассажирский — воинский эшелон. Уцелевшие фрицы минут через десять опаматовались и открыли стрельбу. Жарят по лесу из пушек, из пулеметов. А мы как раз отошли не в лес, а в поле.

В пущу пришел отряд имени Сталина. Организованный талантливым командиром Рыжаком, он в короткий срок вырос в грозную силу. Немало славных дел было уже на его счету. Но в бою на станции Кайданово погиб любимый бойцами командир, и теперь отрядом руководил комиссар Жуховец.

Партизаны разместились в Налибоках. Не успели бойцы освоиться с новым местоположением, как в местечка въехало несколько автомашин с немцами.

Произошел короткий бой, и скоро партизаны праздновали победу: на захваченных автомашинах возили по местечку напоказ пленных немецких офицеров.

Пришли в пущу и еще две группы партизан. Одной из них командовал наш старый знакомый Балабанов.

Вскоре в наш лагерь приехали гости — командир сталинцев Жуховец и старший лейтенант Цыганков.

Знакомимся. Гости без обиняков переходят к делу: надо бы из трех групп — нашей, Балабанова и «Щорса» — создать один отряд. Как на это смотрит Яценко?

Яценко согласен, но у него вопрос: кто будет командовать отрядом? Он спрашивает об этом не потому, что сам хочет стать командиром, а потому, что боится отдать руководство в руки Балабанова — хвастуна и пустомели, если не хуже.

— Командира выберете на общем собрании... Проверим его на деле, негоден будет — снимем, другого поставим...

— Коли так, мы люди негордые. Будем соединяться, — говорит Яценко. Назавтра наш отряд слился с двумя остальными.

Собрание открыл Жуховец. Вопрос один: формирование отряда, выборы командира, комиссара, начальника штаба.

Командиром избрали Балабанова (в его группе было больше людей). Комиссаром — Склемина, начальником штаба — Яценко. Отряду присвоили имя Чапаева.

Но командование наше продержалось недолго. Через несколько дней снова приехали Жуховец и Цыганков. Они арестовали Балабанова. Созвали отряд.

— Товарищи! — начал Жуховец. — Я должен со всей резкостью поставить вопрос о вашем командире. Мы готовили силами двух отрядов — вашего и нашего — операцию по разгрому местечка Мир. Велась уже разведка, была назначена примерная дата нападения. Но сегодня я узнал, что все наши планы стали известны немцам. И вы болтал их ваш командир Балабанов! Он напился в лесничестве и рассказал всем, что завтра мы разгромим Мир. Его слова, конечно, уже переданы в гарнизон, потому что в лесничестве были люди из Мира. Я ставлю, товарищи, на ваше обсуждение вопрос о Балабанове. Решайте, что с ним делать...

Собрание с минуту молчало. И вдруг в тишине раздается голос Чубчика:

— Расстрелять!

— Правильно! Нечего с ним валандаться, — поддерживают его из первых рядов.

— Дать ему смертельное задание — пусть оправдает...

— Отдать под суд.

Последние слова принадлежат ближайшему собутельнику Балабанова и только подливают масла в огонь.

— Какой может быть суд? Тюрьму для вас строить, что ли? Один может быть суд: продал — получай пулю.

Балабанов уже под стражей. Его приводят на собрание. Он бледен, но в глазах затаенная

злоба.

- Я, товарищи, три месяца командую отрядом...
- Плохо командуешь!

— Короче! Вмешивается Жуховец:

— Дайте, товарищи, сказать ему...

— Прошу пощадить, — тихо выдавливает из себя Балабанов. — Любое задание выполню. Не посчитаюсь с жизнью...

Избираем нового командира — Климова.

Назавтра Балабанов ушел с подрывной группой на боевое задание. Впрочем, это задание он не выполнил, струсил. Пригрозив подрывникам, он доложил командованию отряда, что пустил под откос два эшелона. Ложь вскрылась. Балабанова расстреляли.

Местечко Рубежевичи стоит на юго-восточной окраине Налибокской пуши. Гарнизон его невелик, шестьдесят-семьдесят человек, располагается в двухэтажном здании школы.

С тактической точки зрения Рубежевичи имеют то значение, что связывают между собой два других гарнизона, В Столбцах и Ивенце, создавая таким образом замкнутую цепь, которая пересекает дороги, выходящие из пуши на юго-восток.

Командование партизанских отрядов решило разорвать эту цепь, нанеся удар по ее центральному звену — Рубежевичам.

...Сладко спится немцам под утро. Ночь прошла, опасность нападения партизан миновала. Молено спокойно отдохнуть: караулы почти не нужны.

Но как раз в это время мы и явились.

Сигналом к общей атаке был артиллерийский выстрел. Как только разорвался снаряд, в местечко со всех сторон хлынули наши подразделения. Вражеский пулемет, дежуривший на колокольне костела, попробовал было задержать нас, но быстро умолк, уничтоженный метким огнем нашего «максима».

Подразделения расчистили себе путь к центру вражеской обороны — к двухэтажному белому зданию — и взяли его в кольцо.

Слева от местечка грохнул взрыв, вслед за ним взрыв такой же силы раздался справа. Это десантники Цыганкова уничтожили мосты на шоссе, ведущем в Рубежевичи. Пуп для немецких подкреплений был отрезан. Вся мощь нашего огня обрушилась на школу. Черные кружочки — следы пуль — облепили белую штукатурку вокруг окон. Около стен рвались мины. Но ни пули, ни мины не причиняли вреда врагам, засевшим за каменными стенами.

Немцы обложили окна мешками с песком, выставили пулеметы и не подпускали нас к зданию. Так продолжалось более часа.

Мой взвод, разместившись за деревянным сараем, вел огонь по окнам вражьего укрытия.

— Неправильно мы воюем, — резко заявил Чубчик, подходя ко мне. — Надо, как в Налибоках. Из-под земли Появиться да за горло сразу. А так — только патроны портим. Треску много, а толку мало.

И тотчас Чубчик бросился к зданию, увлекая за собой кучку бойцов. Он бегал около стен, выпуская по окнам очереди из автомата, потом начал проверять прочность дверей. Их было много, и в каждую Чубчик стучал ногами, на каждую налегал всем телом, пробуя открыть или выломать, чтобы первому ворваться в здание и взять врага «за горло».

Из окон летели гранаты, но Чубчик ловко лавировал между взрывами, заражая храбростью остальных партизан.

Вскоре удалось выломать одну из дверей. Ворвавшись в коридор, мы увидели неожиданную картину: в затылок друг другу выстроились люди в одном нижнем белье с поднятыми вверх руками. Это были полицейские.

— Выходи на улицу! — кричал Чубчик.

— Мы не воевали, — наперебой оправдывались полуголые люди. — Это немцы... Они и сейчас сверху стреляют: туда осторожней входите, товарищи!

— Ваши товарищи на верхнем этаже!..

Полицейские потому и были в одном белье, что не хотели надевать свои мундиры. Некоторые из них выдавали себя за крестьян, случайно попавших в здание.

Ворвавшись на верхний этаж, мы захватили там еще немало пленных. Среди них я заметил человека, лицо которого показалось мне знакомым. Где я его видел? Ага, вспомнил: это же косарь! Приходил к нам в отряд, с косой, назывался крестьянином из какой-то деревни, надоедливо говорил о своем сочувствии... Но тогда он был заросший, грязный, теперь — чисто выбрит, лицо пухлое...

Взяв его за ворот рубашки, направляю вниз по ступенькам, крикнув: «Ребята! Знакомый!» Кто-то еще опознал «косаря», и не успел я распорядиться, чтобы его доставили к командиру, как он уже лежал с разможженным черепом. Партизанский суд короток.

Когда пленных вывели на улицу, а трофейное оружие и боеприпасы уложили на повозки, Чубчик, Чужанов и я спустились в подвал. Кроме сена, толстым слоем лежавшего на полу, там

ничего не было. Топчемся на сене. Вдруг Чужанов вскрикнул:

— Э, да тут что-то живое есть! Пружинит! Вылазь! — прикрикнул он, направив на шевелящееся сено винтовку.

Выкарабкался немец. Взъерошенные волосы, бледное, перекошенное страхом лицо.

— Завоеватель! — иронически протянул Чубчик и вы тащил из его кармана револьвер.

По замыслу командования после налета па Рубежевичи наш отряд должен был напасть на железнодорожный эшелон. Но к вечеру со всех сторон загудели автомашины: немцы подтягивали к Рубежевичам значительные силы. Командование отряда, опасаясь окружения, решило отойти в пушу. Чубчик, однако, пристал к командиру:

— Отпустите. Честное слово, эшелон, как бритвой, сбреем... Дайте мне с десятка человек...

Командир задумался. Чубчик бросился ко мне.

— Ну чего ты молчишь? Проси командира. Главное — железная дорога недалеко... Завтра же ковырнем состав...

Командир в конце концов уступил.

— В добрый путь! — сказал на прощанье комиссар Склемин. — Если придете с успехом, устроим добрую встречу! Сам буду угощать!

...Мы подошли к дороге Барановичи—Минск в районе станции Койданово. Впереди — свистки паровозов и пулеметные очереди. Идем с Чубчиком в разведку. Лес приводит к самому полотну дороги. Замаскировавшись на опушке, долго наблюдаем за движением поездов, за немцами на полустанке. Они ходят по линии метрах в десяти от нас. Рука так и тянется к затвору — хлопнуть бы двоих-троих... Но нельзя: для успеха дела приходится терпеть.

Когда стемнело, снова подходим к дороге — на этот раз всей группой. Горят костры, разложенные охраной. Светятся окна сторожевой будки. Эшелона нет. Долго стоим в молчаливом ожидании. Наконец справа, с запада, послышался стук колес, но стук этот какой-то особенный, легковатый, со звоном.

— Дрезинка, — догадывается кто-то.

Гудя мотором, дрезина проносится мимо нас. В освещенных окнах вагончика на секунду мелькают черные силуэты. Наша группа на этой дороге взорвала уже несколько эшелонов, и теперь немцы перед составом стали пускать дрезины.

С востока подул сильный ветер, и, словно дожидаясь только его, показался паровоз. Ставить заряд, пожалуй, поздно: поезд может раздавить подрывника.

— Дай-ка мне! — крикнул Чубчик и вырвал из рук бойца-подрывника связку шашек. В несколько прыжков он оказался на линии и почти сейчас же снова вырос перед нами.

— Готово!

Всей группой отбежали в лес. За спиной раздался невероятной силы взрыв. Сердце бешено колотилось и от бега, и от сознания большого успеха.

Налибокская пуца стала все чаще привлекать внимание немцев. В Налибоки прибыл батальон карателей. Фрицы заняли кирпичное здание — бывший помещичий дом — и укрепились в нем. Мы напали на батальон, но неудачно. Пришлось отойти в пушу. Однако немцы и здесь не оставили нас в покое. Ранним июньским утром над хуторами Борки, где размещался наш отряд, появилась эскадрилья легких бомбардировщиков. Два часа она бомбила и обстреливала нас. Хутора запылали.

Отряд понес потери. Смертельно ранена семнадцатилетняя партизанка Яда. Она совсем недавно пришла в отряд вместе с отцом — старым Юзефом. Энергичная, веселая, красивая, девушка уже побывала в боях, узнала радости побед, горечи неудач... Осколком бомбы Яда оторвало обе ноги. Молча стоял над ней отец с винтовкой за плечами. Лицо его каменно-строго. Губы сжаты... Всю жизнь мечтал он видеть дочь счастливой и цветущей — и вот она лежит перед ним с оторванными ногами. К старику подходят партизаны. Его все любили за скромность, за честность и за выдающуюся храбрость. В местечке Ивенец он вошел в немецкую столовую и из русской трехлинейки застрелил четырех гитлеровцев, остальные бежали через окно. Каждому хотелось сказать Юзефу что-то ласковое, ободряющее, каждый чувствовал силу отцовского горя.

Немцы преследуют нас навязчиво, упрямо, изо дня в день. Оторваться от них мы не можем, так как у нас есто тяжело раненные, и мы вынуждены перевозить их на повозках, двигаясь по дорогам, постоянно демаскируем себя, и воздушные разведчики то и дело «засекают» нас.

Только через несколько суток, голодные, измученные, мы вошли в Ивенецкие леса.

— Ну, теперь, кажется, можно и отдохнуть, — сказал комиссар Склемин, ложась под развесистым дубом рядом со мной. Но не успел он докончить фразу, как неподалеку в болоте разорвался снаряд...

Остановились немцы лишь после того, как у деревни Углы отряд имени Сталина дал им серьезный бой и нанес крупные потери. Но потери были и у партизан. В этом бою погиб их командир, наш общий любимец Жуховец.

Отряд наш попал в незнакомый район. Надо было изучить местность, связаться с населением, подобрать связных в деревнях, наладить агентурную и боевую разведку.

С такой задачей командование и послало меня со взводом партизан.

Вышли мы жарким июльским днем. Около двенадцати километров прошли по лесной дороге, не встретив ни души. Наконец добрались до окраины пуши. Перед нами луга, кое-где поросшие ивняком. В стороне замечаем мужчину и женщину — косарей. Я расположил взвод в громадной воронке от бомбы, а сам пошел к косарям.

— Мы давно из деревни, с утра, — говорил крестьянин. — Не знаем, что там. Утром немцев не было, а теперь, может, и наехали. Вы спросите у тех, что идут. Они, может, знают.

По дороге двигались трое пешеходов. Я поспешил к ним. Все трое оказались молодыми людьми. Спросил, откуда и куда идут.

— Мы тутейшие. Идем сено подбирать.

— А немцев в вашей деревне нет?

— Нима.

Люди были похожи на деревенских парней, но у меня почему-то возникло подозрение. Уже далеко за полдень, а они только идут на работу. Да и где их сенокос? Мы прошли двадцать километров и не встретили никаких лугов, никаких свертков с дороги.

— А где ваш сенокос?

— В пуще, три километра отсюда...

Присматриваюсь к встречным повнимательнее. Отмечаю, что вилы и грабли, которые они несут с собой, давно не употреблялись, покрыты характерным пушком от долгого лежания в сыром месте. У одних вилок отломлен кончик рожка, и рожок не застроган, у граблей нет нескольких зубьев. Все трое обуты в кирзовые сапоги, брюки на них такие, какие носят крестьяне в этих местах — домашнего «выроба», рубашки и головные уборы — деревенские. Но сидела на них вся эта одежда мешковато и была, пожалуй, слишком поношенной для молодых людей.

Прошу закурить. С угодливой поспешностью один из них (тот, который отвечал на мои вопросы) вынул из кармана пачку гродненской махорки, подчеркнуто-любезно предложив ее мне в подарок.

— Для боевого партизана — не жалею...

Он улыбнулся. Но улыбка получилась натянутой. Я попил его щедрость как желание поскорее от меня отделаться.

И сейчас же отметил, что разговаривает со мной только один, а двое все время молчат. Теперь я совершенно уверился, что передо мной немецкие разведчики. Что делать?

Рука потянулась было к кобуре револьвера, но опустилась. При виде револьвера враги сейчас же побегут в разные стороны, и я не смогу их всех задержать или убить. «Надо их пропустить до воронки, в которой отдыхает взвод, а там все будут в наших руках».

Я весело поблагодарил встречных за табачок и пожелал счастливого пути:

— Идите, хлопцы, копните и мечите себе на здоровье...

Они пошли, а я, обернувшись, смотрю им вслед. Задержат их мои ребята или нет? Может, из воронки и не увидят? Пойти следом за ними нельзя: догадаются, что подозреваю, и побегут. А лес рядом.

Но вот они доходят до опушки леса, и навстречу им появляется Чубчик. Теперь и я иду. Вернее бегу, то поднимая руку, то с силой опуская ее. Это значит: задержать незнакомцев. Чубчик видит мои жесты. Подходят и другие бойцы, окружают их.

Я поспеваю вовремя. Пешеходы, угостив партизан махоркой, собирались уже продолжать свой путь. Вынимаю наган, предлагаю незнакомцам поднять руки. Мертвенная 'бледность покрывает их лица. Командую бойцам: «Обыскать!»

Под крестьянской одеждой у разведчиков другая — немецкая. Белье тоже немецкое. Находим документы, отпечатанные «а папиросной бумаге, отбираем оружие.

Один из задержанных — поляк из Познани, двое — немцы. Недаром они не вступали в разговоры. Враги шли в пущу, чтобы узнать расположение и численность партизанских отрядов.

Для сопровождения шпионов в отряд наряжаю караул. С остальными бойцами иду дальше.

На юго-востоке пуши действовал отряд Василия Васильевича Щербины (партизанская кличка Бородач). Ученик прославленного Бати, Щербина сумел создать дисциплинированную, крепкую

боевую единицу.

Его любили и побаивались. Считалось большой честью быть отмеченным «самим Василием Васильевичем». Зато наказание, наложенное им, переживалось как большое несчастье.

Оказавшись в новых, незнакомых лесах, маши отряды перешли под общее командование Бородача. Связанный с Большой землей, он нередко получал ценнейший для партизан груз — взрывчатку, и каждому отряду выделялась из этого груза известная доля.

Мой взвод, войдя в непосредственное подчинение Бородача, был разбит на диверсионные группы по пять человек в каждой.

В эти дни я еще больше сблизился с Чубчиком. Да и не только я. В отрядных списках он, конечно, значился Иванниковым. Но даже командиры запросто называли его «товарищ Чубчик». Пристала к нему эта кличка. Кажется, она нравилась и ему самому. Он частенько напевал мне старинную русскую песенку:

Чубчик, чубчик, чубчик кучерявый,
Развевайся, чубчик, по ветру!
Раньше, чубчик, я тебя любила,
И теперь забыть я не могу!..

Но в отряде Чубчика знали не только по песням. Кто из партизан не слышал о его последнем подвиге?

В то время нам частенько приходилось жить впроголодь. За тридцать-сорок, а иногда и больше километров ходили за продуктами, носили их в мешках на собственных спинах. Однажды на такую хозяйственную операцию вышла группа, в которой был и Чубчик.

Еще в лесу мы услышали гудение автомашин, а когда подошли к тракту, увидели свежие, отпечатанные на земле следы автомашин. Командир пожалел, что вовремя не подоспели к тракту: «Можно было бы чесануть по колонне». Пожалел и дал уже команду двигаться дальше. Но подошел Чубчик.

— Товарищ командир, машины прошли из города в местечко. Значит, должны они вернуться. Когда — сказать трудно, но, наверно, скоро... Хорошо бы покараулить.

Так и решили: ждать.

На помощь группе командир отряда к вечеру выслал еще два взвода. Разместились у самого кювета за толстыми деревьями. Ждать так ждать. Просидели ночь. Утром голод начал брать свое. Пришлось группами по очереди холить в глубь леса за ягодами. За этим занятием и захватила Чубчика команда «По местам!». Гудение машин нарастало. Чубчик едва успел добежать и лечь за свою сосну, как и пяти шагах от него выросла головная немецкая машина.

Отделение Чубчика по приказу должно было открыть Огонь по пятой машине, а четыре первых надо было пропустить: их ждали впереди другие партизаны. Но вышло так, что головная машина остановилась напротив отделения Чубчика. Потом выяснилось, что с машин заметили нашего минера, копавшегося на дороге. (Он был глухой и не слышал гула машин.) Пока Чубчик волновался, раздумывал: «Стрелять или ждать особой команды?» — с остановившейся машины дали пулеметную очередь. Дальше медлить было нельзя.

— Огонь! — крикнул Чубчик, вскочил на ноги и в упор выстрелил в сидевших в машине.

Так начался бой.

Первые залпы не могли, конечно, уничтожить всех гитлеровцев. Некоторые из них легли замертво в кузовах, другие в лужах крови валялись около машин, но какая-то часть успела выскочить и спрятаться в противоположном кювете.

Дерущихся разделяла только восьмиметровая ленточка тракта. Чубчик стоял за сосной, подолгу целился и после удачного выстрела громко выкрикивал:

— Еще один!

Он вошел в азарт. Израсходовав все винтовочные патроны, начал стрелять из нагана.

Но в этот момент его самого ранило осколком гранаты. Кровь залила глаза.

Чубчика вывели из боя под руки. Полуслепой, с запекшейся по всему лицу кровью, он, возбужденный боем, запел своего «Чубчика».

Лес далеко разносил его голос.

В лагере его положили в «госпиталь» — отдельный шалаш для раненых. Пока осколок сидел в брови, Чубчик мучился сознанием, что теперь «его песенка спета».

— Скажи, друг, честно: буду я видеть? Что говорит врач?

— Одним глазом обязательно будешь видеть: он не поврежден. Да и другой, пожалуй, подлечат. Не тужи...

— Мне хоть бы один...

Подумав, Чубчик добавлял:

— А все-таки я счастливый: в левый глаз ранило. Значит, правый будет зорче. Попадется на мушку немецкая вражина — живой не уйдет!

Осколок был удален, и глаз удалось спасти. Чубчик совсем повеселел:

— Живем! Скоро на взрыв махну!

Запомнился мне еще один случай, уже другого характера. В моей полевой сумке издавна лежала

карта-десятиверстка. Практического значения она для нас никакого не имела, но мы, собравшись в кружок, нередко рассматривали ее. В последнее время — с чувством все возрастающей тревоги. Наше внимание приковывал юг, где фашистская нечисть продвигалась к Волге. С горечью мы отмечали черными кружочками города и станицы, временно захваченные немцами.

Как-то утром, получив очередную сводку Совинформбюро, мы по привычке уткнулись в карту. Бой шли на подступах к Сталинграду.

Чубчик отозвал меня в сторону и как-то жалобно попросил:

— Знаешь что... Ты бы лучше не развертывал эту карту. Смотреть на нее тошно...

— Что с тобой? Нервы сдают?

— Изорвать надо. Нечего каждый день на нее смотреть и расстраиваться. Когда наша армия поперет немцев — другую достанем... В день по десять раз смотреть будем...

Тогда я понял, как велика боль Чубчика за свою Родину.

Вскоре Чубчик обратился к Бородачу:

— Василий Васильевич, разрешите мне идти на взрыв.

— Ты еще болен, Чубчик... Лежи, поправляйся.

— Не могу лежать в такое время... Прошу направить...

— Ну, добре. Выбирай людей, формируй диверсионную группу.

Надо ли говорить, что группа была создана в несколько минут.

Так как мой взвод был расформирован, я оказался «не у дел», Василий Васильевич разрешил и мне пойти на взрыв с группой Чубчика.

Балашовцы

Наша пятерка направилась к станции Городея, что на линии Барановичи—Минск. Предстояло пройти довольно значительное расстояние. Но смущало нас не это, а другое обстоятельство. В ту пору все места характеризовались так: лесистые — партизанские, безлесные — непартизанские. Район, в который мы шли, был непартизанский. Старая топографическая карта, грязная, замасленная, десять раз порванная и столько же раз склеенная, не предвещала ничего хорошего. Лишь кое-где мы должны были встретить небольшие леса.

Шли мы цепочкой по узкой дороге, сжатой ржаными полями. Небо, как назло, высокое, чистое, звездное, прямо и лицо смотрит серебряная луна. В удивительно свежем воздухе слышатся короткие посвисты пробуждающихся птиц, доносится дотошный лай хуторских собак.

— Передохнем, — сказал Чубчик, когда мы добрались до невысокого придорожного кустарника.

Сели. Закурили, прикрывая огоньки ладонями. Но отдых продолжался недолго. Не успели мы докурить, как Чубчик тревожно зашептал:

— Смотрите, смотрите...

Вглядевшись в предрассветный сумрак, мы заметили движущуюся к нам колонну. Постепенно стали вырисовываться отдельные фигуры, послышался говор, смех. Можно было даже подсчитать, что идет около двадцати человек, а разговоры и смех наводили на мысль, что чувствуют они себя здесь как дома. Между тем мы знали, что недалеко отсюда стоит немецкий гарнизон.

— Приготовиться!

Залегли. Придорожные кусты оказались кстати.

— Без команды не стрелять, — шепнул Чубчик. — Слышите? Не стрелять, пока не скажу. Может, свои.

Люди приближались, а мы так и не могли установить, кто они. Вот они подошли на десять-пятнадцать метров, а команды нет. И лишь когда передовой из их колонны чуть не наступил на ствол чьей-то винтовки, мы окрикнули их сразу в несколько голосов:

— Стой! Кто такие?

Люди шархнулись от нас и, немного отбежав, залегли. Прогремело несколько выстрелов, пули завизжали над нашими головами. Кто-то из нашей группы тоже не выдержал — выстрелил.

— Прекратить пальбу! — крикнул Чубчик, вырастая над кустиками. — Мы партизаны! Если и вы партизаны, то не стреляйте. Выходи один для переговоров!

Залегшие не отвечали.

— Пойдем сами, — сказал Чубчик.

Я встал и, держа карабин наготове, направился в сторону незнакомых людей.

— Ну, выходи, выходи один, не бойтесь! — стараясь показать свое равнодушие, говорил я на ходу, в то время как на душе было не так уж спокойно.

Тогда навстречу поднялся человек и направился ко мне.

— Партизаны? — громко спросил он, подойдя вплотную и перекладывая револьвер из правой руки в левую.

— Как видишь.

— Ну, тогда будем радешеньки! — Моя рука хрустнула в его железной ладони. — Балаш.

Передо мной стоял высокий широкоплечий богатырь. Но голос его звучал как-то приглушенно, с хрипотцой и никак не вязался с могучим телом.

— Что же вы, засаду на нас? Вот друзья! — весело смеялся Балаш, не выпуская моей руки. — Да прими стрельбу, что ты ее так держишь? Я взял карабин на ремень.

— Вы какого же отряда? — спрашиваю.

— Отряда? Это мои хлопцы. Мой отряд. И район здесь наш. А вот вы откуда взялись?

— Из пуши идем, из отряда Бородача.

— Издалека... Тоже гости называются: пришли в мои владения — и меня же бить. Нечего сказать, добрые хлопчики! — Балаш опять рассмеялся.

Тотчас нас окружили балашовцы. Подошли и наши. Заговорили наперебой. Начали знакомиться, посыпались вопросы, шутки, зазвенел смех. Все рады, что так счастливо обернулось дело, начатое стрельбой.

— Коли сначала чуть не побились, так теперь будем крепче дружить!

— К нам в гости, товарищи! Пожалуйста!

— Ну, вот что, — заключил Балаш разговоры. — Сегодня пойдем на дневку в самый большой лес — в Поповщину...

Люди построились, и он повел нас вправо от дороги.

Вскоре мы увидели «самый большой лес — Поповщину». Он вырастал перед нами из белесого утреннего тумана и манил на отдых.

Усталые, потные, мы сразу бросились спать. Балаш расставлял караул, и я в полудреме слышал его тихие шаги между рядами спящих.

Когда я проснулся, солнце стояло уже высоко над лесом. Знойный августовский день.

Двое из моих товарищей уже возились с толом, связывая шашки в длинную рапиду. Чубчик еще спал.

Теперь я мог лучше разглядеть балашовцев и ближе с ними познакомиться. Их отряд скорее можно было назвать группой. Впрочем, в этой безлесной местности громоздкая боевая единица ни к чему. Здесь нужна именно маленькая, хорошо вооруженная, подвижная группа смельчаков. Балаш, очевидно, понимал это и не увеличивал отряд.

Балашовцы — почти сплошь молодые парни. Была с ними и одна девушка — Аня, медсестра со скромным, несколько грустным выражением глаз. Она сидела около раненого, лежавшего на подушках под развесистой елью... Г Я спросил ее, где Балаш.

— Пошел домой, в Красногорки, проведать мать да узнать кое-что... Вчера он дрался с колонной фрицев, так надо узнать, чем кончилось это дело.

— А вы что, разве отступили?

— Кто мы? Балаш один дрался. То есть не один, а вдвоем со Славкой.

— Да ну? Расскажите.

Аня засмеялась.

— Да тут ничего особенного... Он у нас вообще такой. Любит один на кучу налетать. Ну и вчера тоже. Были они со Славкой на хуторе, а тут вдруг нагрянули немцы. Залегли, подпустили фрицев поближе да и стукнули... Балаш только покрикивал: «Взвод, огонь!» Отогнали немцев да и подавай бог ноги...

В двух километрах от нас стоял немецкий гарнизон, и поэтому необходимо было оглядеться. Я направился к поляне, которая светлела невдалеке. Но когда я вышел на опушку, то убедился, что это не поляна, а конец леса: в ширину Поповщина занимала не более ста метров. Я пошел вдоль леса по опушке, но скоро опять оказался в поле. «Пойдем дневать в самый большой лес — в Поповщину», — невольно вспомнились слова Балаша.

Вскоре вернулся и он сам, а с ним — молодая женщина. Она принесла в ведре обед.

— А мы хотели уж идти на хуторок.

— Тут, брат, днем лучше сидеть. Много не расходишься: кругом видно, а немцы рядом. Вы уж отведайте сегодня моей капусты... — пригласил Балаш.

— За обедом опять разговорились.

— Тяжело тебе здесь, Балаш. Надо идти в пушу, — говорил Чубчик. — Там все-таки спокойней, иногда хоть соснуть можно без опаски.

— А мы, брат, воюем не там, где легче, а там, где нас партия поставила.

— Ну, все-таки... — смутился Чубчик. — Тогда нада осторожней держаться. А у вас рядом и пастухи, и лесорубы. Все вас видят, все знают, где вы стоите.

— У меня в лесу порядок. Эти пастушки — мои дозоры. Они стерегут не только скот, по и нас. На все четыре стороны света ведут наблюдение! Немцы еще где-нибудь за три километра, а хлопчята мне уже доносят, сколько их числом, сколько у них пулеметов...

Пообедав, мы улеглись полукругом и продолжали беседу. Женщина, прибрав посуду и, видимо, собравшись уходить, в нерешительности остановилась около нас. Я заметил, что она давно смотрит на рапиду из толовых шашек.

— Вы, хлопцы, мыльца бы мне кусочек дали, — заговорила она. — Постирать бельишко нима чем. А у вас вон сколько, — показала она на тол.

Все засмеялись.

— Это, сестрица, мыло особенное. Специальное, для мытья фашистов. Раз помylim — больше никогда никакой бани не нужно.

Женщина не испугалась, а, наоборот, чрезвычайно заинтересовалась.

— Хиба это оттуда? — показала она в небо. — С самолета?

— Да, сестрица.

В ее глазах забегали веселые искорки, губы расплылись в радостную улыбку. Сколько раз приходилось нам видеть этот оживленный искрящийся взгляд, выражающий восторг и надежду, взгляд человека, услышавшего весточку с Большой земли или увидевшего присланный оттуда гостинец!

Наступал вечер. Мы собирались в путь - решающая ночь была у нас впереди. Усевшись в кружок, долго рассматриваем детали нашей карты, намечаем предстоящий маршрут к железной дороге и точку взрыва. Выбираем место с большим уклоном, чтобы крушение было наиболее эффективным. Наконец все решено.

Подойдя к нашей пятерке, Балаш осведомился, где мы наметили сделать диверсию.

— А я советовал бы не здесь. Есть хорошее место — вот будет грому!

— Где же? — спрашивает наш командир.

— Я вам дам проводника. Славка! — окликнул Балаш. Маленький худощавый парнишка поспешно подошел к нам.

— Поведешь их на железку, — сказал ему Балаш. — Ведаешь лесок на той стороне дороги, левее станции?

Ведаю.

— Выведешь их напротив того борочка. Уклон в том месте большой. Дров будет много! А главное, — повысил он голос, — около станции, под носом у немцев. Ой, как они забегают! Всю ночь спать не будут, стрельбу откроют! Довольны моим выбором? — спросил Балаш. — А ты понял, Славка?

— Понял, товарищ командир!

— Собирайся быстро.

— Готов!

До дороги оставалось семь километров. Мы двигались осторожно, обходя деревни и хутора, в которых сидели немцы. Малейшая оплошность могла погубить большое дело.

Славка довел нас к месту, откуда до полотна мы могли добраться сами. Но добираться пришлось ползком по мелкой борозде: луна прижимала к земле.

Диверсия удалась. Как выяснилось позднее, мы пустили под откос эшелон с углем. Правда, некоторые из нас разочаровались: хотелось поймать эшелон с живой силой, а тут какой-то уголь. Однако Балаш был доволен: ружейно-пулеметная стрельба на станции действительно не прекращалась до утра. Взрыв крепко напугал фрицев.

Не давать врагу покоя, постоянно нервировать его — любимый тактический прием командира-самородка Ивана Балаша.

Вскоре мы еще раз пришли в «балашовские владения». Теперь с нами был запас тола на три взрыва, и мы могли не возвращаться в пущу по крайней мере неделю.

Рассвет застал нас на хуторе, где мы условились с Балашом о встрече. Бедный, неприметный хуторок стоял на кромке березовой рощицы. Здесь балашовцы устраивали явки, однако близко к хутору не стояли.

Хозяйка выполняла обязанности связной, тем не менее, проводить нас к Балашу она отказалась. Видимо, еще не совсем доверяла.

— Пойду поспрашиваю. Может, и узнаю, где Балаш. А вы здесь обождите.

С нами осталась дочь хозяйки, розовощекая блондинка. Наш «Вова — красный диверсант» не упустил случая поухаживать. В этом щепетильном деле он считался не менее искусным мастером, чем в подрывном.

Однако на этот раз у него ничего не вышло. Девушка даже не улыбнулась на его веселые шутки. Более того, она, казалось, была раздражена ухаживанием.

— Отвяжитесь вы со своими шутками, не до них теперь!

Все сразу примолкли, установилась тяжелая неприятная тишина...

Мы уже дремали, когда вернулась хозяйка. С нею пришел не Балаш, как мы ожидали, а партизан его отряда Григорий.

- Идемте в лагерь. Устали? Спать, кушать хотите?

Пересекли березовую рощицу и оказались на поляне, в полосе овса. Роса еще серебрилась на колосьях под холодным утренним солнцем.

Овес притоптан. На тропинке и в бороздах попадаются клочья окровавленных бинтов, свежие окопчики и кучи гильз.

— Бой, кажется, был?

— Да, недавно мы тут крепко с немцем схлестнулись. Когда вошли в борок, Григорий остановился.

— Хотите посмотреть, где мы дрались? — Он свернул со стежки влево и проводил нас в глубь борочка, остановился.

— Вот тут лежали мы, а на стежке и вокруг всего лесочка — они.

Григорий рассказал подробности.

Их было девять человек, когда они утром, после ночного марша, вышли сюда на отдых. Переобувшись и ослабив ремни, улеглись прямо на земле и уснули тревожным, чутким сном.

Разбудила стрельба. Не зная, что происходит, партизаны поспешили на другой конец леса и увидели цепи наступающих врагов. Побежали обратно к дорожке, пересекающей борок. Если она еще не занята немцами, можно будет перейти в другую половину борка, которая сливается с большим лесом.

На пути встретился часовой. Он полз, оставляя за собой кровавый след.

— Немцы на дорожке. Окружают... Отбивайтесь, — только и смог сказать он. Голова его упала на траву, тело задергалось и застыло.

Что делать? Немцы кругом. Выходить в поле и с боем прорываться сквозь их цепи — значит сразу погибнуть. Биться в лесу в полном окружении — тоже гибель. Еще только утро, день страшно долог, патронов в обрез, помощи ждать неоткуда.

Все взгляды обратились к Балашу.

— Занимай круговую оборону!

Голос Балаша был тих, но тверд. А когда все разместились, у пеньков и стволов сосен, он крикнул так, что его услышали враги:

— Отряд! Окопа-а-а-аться!

Надо было стряхнуть с людей тяжелый груз страха и дать им почувствовать свою силу.

— Подпускать ближе, бить в упор! — наставлял Балаш, тоже залегший за толстую сосну. Он был без фуражки. Непослушные пряди светлых волос упали на лоб, глаза блестели азартом и решимостью.

— Идут, кажется... Ближе, ближе подпускать...

Первую атаку немцы начали воинственными криками и сильным огнем. Они перебежали пригнувшись, стремительно падали, потом опять вскакивали и бежали. Все ближе, ближе...

— Бей их, собак! — зло закричал Балаш, когда немцы почти вплотную сблизилась с партизанами.

Тяжело застучал танковый пулемет, гордость отряда. Немцы залегли, спрятались за деревья. Воинственные крики смолкли, послышались стоны раненых.

— Огонь! — командовал Балаш.

Враги надеялись одним ударом опрокинуть храбрецов и погнать их на другой конец леса, где притаилась засада, чтобы ударить по бегущим кинжальным огнем. Но это им не удалось. У партизан было одно преимущество: они хорошо замаскировались, дружно и внезапно ударили по атакующим. И немцы дрогнули. Первая атака была отбита.

Балаш вынул из кармана пачку папирос. Люди повеселели, заговорили.

— А крепко они сполохались, когда мой дударь загудел! — весело кричал соседу пулеметчик. — Чуешь, Петька? Подрапали, только зады сверкают! Да что ты молчишь. Ты жив, Петька? Петя!

— К нам на ногах, а от нас на пузе, гады! — сказал Балаш.

— Товарищ командир, Петя убит, — сообщил пулеметчик.

— Забери от него патроны да заряжай диск поскорее!

Пулеметчик подполз к убитому.

— Эх, бедак, — прошептал он, снимая с товарища патронную сумку. — И не ахнул. Видно, сразу в сердце.

Вскоре немцы возобновили атаку. Теперь они наступали осторожней, мощь их огня была еще сильнее, и пули ложились все ближе и ближе к обороняющимся.

Еще один партизан погиб, но атака врагов снова была отбита.

Наступила напряженная, подозрительная тишина. Изредка слышались стоны раненых немцев.

Что-то хитрят. Держать ухо востро, — распорядился командир. — Наблюдать кругом!

Эй, Балаш, слушай! — раздался резкий голос с немецкой стороны. — Мне поручили передать, чтобы вы немедленно сложили оружие! Вам обещают жизнь. Всем.

Поцелуй своего немца в заднее место, пес! — крикнул в ответ Балаш. — Скорее ты подохнешь, чем дождешься сдачи Балаша!

— Партизаны, товарищи! — призывали снова с дорожки. — Убейте Балаша и переходите к нам. Он вас всех погубит.

— Пошел к черту! Иуда!

— Вы еще молоды, вся жизнь впереди! Немцы не тронут вас! Награду дадут! Если не можете убить, идите одни.

— Мы не продаемся!

Призывы смолкли, и немцы снова начали атаку. Но теперь они близко не подходили.

— Мы все равно вас уничтожим! — пригрозили снова с опушки леса. — Вы окружены! Нас много! Я, комендант полиции, -заверяю вас, что все будете жить! Сдавайтесь, пока не поздно! Последний раз предлагаю! Будете каяться, когда вас схватим!

— Сволочь! — отвечал Балаш. — Подойди ближе, посмотрим, кто кого уничтожит!

Снова кругом завизжали пули.

Когда солнце скрылось где-то за соседним борочком, счет вражеским атакам был давно потерян. Пулемет перешел уже в четвертые руки.

Стемнело, но враги не снимали осады. Однако и в атаку не шли. Балаш подполз к дремавшему Григорию.

— Выходить надо... Скажи Архипову... Ползите за мной.

Из девяти храбрецов в живых осталось только трое.

— Архипов! Архипов! Да ты что, спишь? Ну проснись же! Длинный!

Архипов помычал. Григорий легонько ударил его ладонью по голове.

— А? Что? — скинулся тот.

— Выходить будем, пока нет месяца. Ну ты что, опять заснул?

Григорий обеими руками приподнял голову Архипова.

— Спать, — вздохнул тот. — Спать... Уйди.

Григорий вцепился в уши пулеметчика и начал со злостью трепать их.

- Отстань, — промычал Архипов.

— Ну и черт с тобой! — отрезал Григорий. — Мы пойдем. Спи, а завтра до солнышка будешь висеть на сосне! Слышишь ты меня?

Архипов, конечно, не слышал. До предела измученный пятнадцатичасовым боем, он крепко спал.

Григорий схватил товарища за ногу и поволок за собой.

Между лохматых ветвей сосен мигали далекие звезды.

Из борочка мы снова вышли на тропинку и остановились. Картина боя, только что нарисованная Григорием, живо вставала в воображении. Сами не раз смотревшие смерти в глаза, мы были восхищены упорством и мужеством кучки храбрецов.

— А как вам удалось выйти из окружения? — спросил Чубчик.

— Вышли. Чтоб разбудить Архипова, Балаш выстрелил. Он сразу вскочил на ноги, оклемался. Поползли. Ползли тихо, кажется, даже не дышали. Овес высокий, густой... Он нас и выручил. Чуть не всю ночь ползли вон до того березняка. А там — поминай как звали! Партизана искать — даром время терять! Но немцам мы тоже жаркую баньку дали. Будут помнить балашовцев!..

— За ночь немцы вынесли из леса своих убитых и раненых, — продолжал Григорий, — и отвезли на станцию, а сюда подтянули свежие силы и подвезли минометы. Рано утром начали садить в бокорк мины. К вечеру пошли в атаку... на шестерых убитых... Вон, видите, могильный холмик? — Показал Григорий на кромку березняка. — Под ним лежат шесть наших орлов.

В этот момент на зеленом фоне березняка выросла фигура девушки. Мы узнали дочку связной. Она постояла немного, огляделась и пошла к могиле.

— Она часто сюда приходит, — объяснил Григорий. — Здесь похоронен ее жених.

Мы подрывали эшелоны «электрическим» способом. Дело не очень сложное. К электробатарейке прикрепляются проводники с резиновой изоляцией, концы проводников заделываются в капсуль-взрыватель, который вставляется в тол. Проводники кладутся на рельсу. Колесо паровоза, разрезая изоляцию, вызывает замыкание проводников, от искры взрываются капсуль и тол.

Метод этот хорош тем, что подрывник, поставив заряд, может уйти, работа его закончена.

Так мы и сделали. Заложив рапиду с батареейкой, отошли от дороги в маленький бокорк, чтобы там подождать взрыва. Эшелон идет где-то далеко, стук колес еле доносится до нас. Но постепенно он нарастает, а вместе с ним растет и наше беспокойство. Перед этим мы спокойно лежали в котлованчике, говорили об отрядных делах, а сейчас все встали и умолкли. В такой момент, наверное, каждый подрывник испытывает волнение.

Вот эшелон совсем близко, вот он подходит к mine. Вот он наехал на мину. А взрыва нет. У каждого из нас перехватило дыхание. Впрочем, надежда еще не потеряна: заряд может взорваться и в середине эшелона, и даже в конце... Но вот прокатился и последний вагон, дразня нас зажженным красным фонариком. Несколько секунд стоим как окаменелые.

В чем же все-таки дело? Почему не было взрыва? Чубчик решает проверить заряд и снова ведет группу к дороге. Вдвоем с ним взбираемся по насыпи на полотно. Но увидеть ночью заряд не так-то легко. Надо зажигать спичку, а это небезопасно: немцы могут открыть по огоньку стрельбу.

Опустившись перед миной на колени, закрываемся плащом и, чиркнув спичку, рассматриваем рапиду. Изоляция проводников перерезана, но слабо. Проводнички плохо оголены. Очевидно, они не соприкоснулись друг с другом, поэтому не получился взрыв. Зато теперь они могут соединиться и нас разнесет на кусочки.

Конечно, рапиду можно было бы и не снимать, оставить здесь. Завтра немцы заметят ее и расстреляют с почтительного расстояния. Но разве можно поступить такой ценностью? Нет, рискнуть жизнью, снять рапиду! Руки уверенно берут капсуль, вынимают его из тола. От батарейки осторожно отсоединяются проводнички. Мина обезврежена!

Уже потом, отходя от дороги, я вспомнил фронтową поговорку: «Подрывник ошибается только один раз в жизни». Откровенно говоря, по спине пробежали мурашки. Бывает же так: в самый разгар рискованного дела не думаешь ни о жизни, ни о смерти, а вот после, когда уже все кончено, забредут в голову беспокойные мысли...

Восток голубел. Ставить рапиду второй раз было поздно. Решаем передневать вблизи от линии.

Балаш как-то рассказывал, что недалеко от дороги на хуторе живет староста. Пожалуй, самое безопасное место для дневки: староста вне подозрений.

С трудом отыскиваем хутор. Староста, испугавшись, принимает нас с подчеркнутой угодливостью. До полудня проспали в его огромном гумне. Потом начали готовиться к взрыву, решив попробовать новый способ: шнур и простой взрыватель. К вечеру раздобыли катушку телефонного провода вместо шнура.

Спустилась ночь, и мы снова у полотна железной дороги. Заложили заряд и, натянув шнур, ждем эшелона. Слышно пыхтение паровоза на станции, километрах в трех от нас.

Когда эшелон двинулся, возник спор: кому потянуть за шнур. Каждый претендует на эту честь.

— Товарищ командир, уж вы будьте справедливы, — говорит Володя Алании. — Я диверсант опытный, старый. Доверьте мне...

— Нет, Володька, — возражает другой, — у меня глаз вернее. Товарищ командир, дайте шнур мне!

Чубчик выносит соломоново решение:

— Думаю, что вы не будете обижаться, если взрыв про изведу я сам.

Как только паровоз «наступил» на рапиду, Чубчик приподнялся и крикнул:

— За Родину!

Раздался оглушительный взрыв, вздрогнула, зашаталась земля, завизжали, засвистели металлические осколки и камни. Почти сейчас же над паровозом взлетел высокий черный столб земли, копоти, дыма. Прекрасная минута!

...Дня через два, выполнив задание полностью, мы прощались с Балашом.

— А вы дело сделали, хлопцы! — говорил он. — Шкоды немцу наробили много! Теперь они будут отыгрываться на моей спине. Только скорее их холера заберет, чем они со мной что-нибудь сделают! — И Балаш задорно тряхнул светловолосой головой.

В пуще нас ждала тяжелая весть. На месте деревень и хуторов — обгорелые черные столбы, разваленные печи... Людей — ни души.

Не нашли мы и партизанского лагеря. Нас встретила небольшая группа бойцов.

— Что случилось?

— Блокада. Немцы пришли. Около двенадцати тысяч...

И еще одну печальную весть услышали мы:

— Бородача нет. Погиб...

— Не шутите...

— Нам не до шуток. Погиб Бородач. Соединением командует комиссар. Вместе со штабом он ушел в Восточную Белоруссию. Вам оставил приказ: как только придете — немедленно отправляться к нему.

Но надо досказать историю Балаша.

Только через год смог я побывать в районе его боевых операций и услышал от очевидцев рассказ о его гибели.

Произошло это в дни блокады. Узнав о движении немцев, Балаш сделал засаду. Но пока балашовцы бились с передовой фашистской группой, подошли главные силы и окружили лес. Почти все балашовцы пали в этом бою. А сам Балаш остался жив: расстреляв все патроны, он залез на густую ель и там отсиделся, незамеченный немцами.

— Как от волков спасаются, так и я от немцев, — говорил он после в кругу уцелевших товарищей.

Пришлось снова сколачивать отряд. Балаш пошел по хуторам и деревням.

И вот однажды его догнали две автомашины с немцами.

— Пан, кажите аусвайс*, немец спрашивает, — предложил переводчик с первой машины.

Доставая из кармана поддельный документ, Балаш увидел среди немцев знакомого односельчанина — полицейского. И тот его узнал.

— Балаш! Это Балаш! — закричал он.

Партизан выхватил пистолет, разрядил всю обойму в немцев и бросился бежать.

Леса близко не было. Враги, осыпая Балаша пулями, нагоняли. Тогда Балаш забежал на ближайший хутор. От немцев все равно не уйти, надо, значит, подороже отдать свою жизнь, погибнуть с честью.

Враги взяли хутор в кольцо, ударили по нему зажигательными пулями. Домик вспыхнул.

Но Балаш не сдавался. Правда, его выстрелы раздавались все реже. Патроны подходили к концу, и Балаш стрелял только наверняка. А затем выстрелы совсем прекратились.

— Я думал, что Ваня застрелился, — рассказывал хозяин хутора, наблюдавший всю сцену боя из сарая, — но он еще был жив. Из окна в немцев полетели камни, палки... все, что потяжелее. А потом вижу, выбегает сам и с железной палкой в руке. Тут его и скосили...

А у с в а й с — паспорт (нем.).

Новые места

Вот мы и в Восточной Белоруссии. Находим своих. Они дислоцируются в Плещеницком районе. Теперь командует отрядом лейтенант Браев, бывший матрос.

К сожалению, до сих пор не можем наладить добрых отношений с соседним отрядом. Не то, что

враждуем, а просто как-то «не сходимся характерами». Особенно заметно это в мелочах. Например, командир их отряда носит несколько прозаическую фамилию Кобылкин — и это дает повод нашим ребятам дразнить соседей «кобылячьей армией», «кобылкой» и т. д. Те в свою очередь окрестили нас «утопленниками».

Конечно, все это результат слабой политработы. В нашем отряде нет комиссара. Отсюда постоянное деление на «нас» и «их». При этом понятно, что «мы» всегда выглядим в более выгодном свете, чем «они». Партизаны отряда Кобылкина, скажем, считают, что «матросики» — народ ничего себе, но мало еще воевали, а вот мы...

А по совести говоря, оба отряда вполне достойны славного имени советских партизан. Там, глядишь, разбита колонна немецких автомашин; там взлетела на воздух казарма с солдатами; там... словом, много можно вспомнить этих «там».

Для нас началась вторая зима войны. Наш отряд, как и многие другие, квартировал по селам, часто переезжая из одного в другое, чтобы сбить со следу врага. На случай блокады были устроены базы в лесу — выкопаны землянки, заготовлены продукты.

Плещеницкий район — типичный партизанский край. Маленькие немецкие гарнизоны заблаговременно сбежали в районный центр. Туда же собрались иуды — старшины, коменданты, полицейские. Продукты и другие грузы немцы доставляли в Плещеницы самолетами и редко — автомашинами.

Иногда части гарнизона сами отправлялись в район на грабеж. Выезжали большими партиями — по пятьдесят-сто подвод, в этих случаях выставляли боковые и тыловые заслоны, высылали разведку.

Мы охотимся за такими группами. Вполне естественно, что наибольший успех выпадает на долю отрядов, у которых лучше поставлена боевая и агентурная разведка и которые обладают лучшей маневренностью. Недаром все командиры отрядов стараются посадить своих бойцов на коней. Но коней достать трудно, еще труднее найти седла.

С большим трудом и нам удалось раздобыть лошадей. Отныне мы стали передвигаться на санях. На каждую подводу мы сажали по три-четыре бойца.

Около десятка таких подвод составляют взвод. Это, конечно, не конница, но и не совсем пехота. Передвигаемся теперь мы быстрее, но зато постоянно демаскируем себя.

К этому надо добавить, что немцы действовали предусмотрительно: на грабеж едут одной дорогой, с грабежа — другой. Получив донесение, что они¹ налетели на деревню, мы должны угадывать, по какому маршруту они двинутся обратно. И угадываем. Чаще всего они натыкались на наши засады там, где совсем не ждали: у самого своего логова — районного центра.

Все наши отряды сведены в бригады, по три-четыре отряда в каждой. Впрочем, наш отряд, хотя и входит в соединение, но действует в одиночку: остальные отряды бригады стоят в Налибокской пуще. Бригады нападают на крупные гарнизоны, а на нашу долю оставались засады, диверсии.

В подрывном деле мы стали уже специалистами. Один-два спущенных под откос эшелона имеет на своем счету каждый наш боец. Есть и такие, которые подорвали по пять-шесть составов. Численно отряды растут. Местные жители буквально умоляют принять их в нашу семью. Одна беда — мало оружия.

...Так прошла первая половина зимы. Вторая — принесла новые неожиданности, новые боевые задания.

В один из предвесенних дней командир отряда приехал из штаба соединения в особенно приподнятом настроении. Это было заметно и по тому, как он лихо подкатил к ограде, и по тому, как энергично вбежал в комнату.

— Ну, Леонтьич, наши мечты сбываются!

— Какие мечты, Василий Захарович? — спросил я.

— Командир соединения дал согласие на наш отъезд в Литву! Довольно посидели здесь. Скоро двинемся по широким просторам!

Браев взволнованно шагал по комнате.

— Но если ехать, так скорее, пока санная дорога... — задорил я.

— Буду настаивать.

На другой же день началась подготовка к отъезду. На меня как на начальника штаба легли все заботы о лошадях, санях, фураже, продовольствии, сбруе, боеприпасах. А когда все это было подготовлено, встали вопросы о маршруте, о количестве людей, о порядке движения. Впрочем, окончательное решение вопроса зависело от того, какое задание мы получим от командования.

Вскоре был получен и официальный приказ. Командование, не имея точных сведений о партизанском движении в Литве, поставило перед нами задачу: связаться с местными партизанскими отрядами, передать им наш опыт борьбы, помочь организационно. Второй задачей были диверсии на железных дорогах Вильно—Молодечно и Вильно—Гродно. Мы должны были проехать до Вильно, затем свернуть на юг, обогнуть с запада город Лиду и вернуться в свой район.

По нашим подсчетам, нам предстояло проехать по прямой не меньше пятисот километров. Однако возможность движения по прямой была весьма сомнительна. Тем более, что топографической карты у нас не было и приходилось рассчитывать только на географическую да на показания проводников.

В общем, со всеми обходами и петлями дорога должна была растянуться не меньше как на тысячу километров. В связи с этим вопрос о хороших конях и санях приобретал большую важность.

Командир соединения разрешил ехать не всему отряду, а лишь группе в тридцать человек. На совещании мы набросали список участников, в который вошли лучшие бойцы. Были в списке и Чубчик, и Чужанов, и Кулаков, и другие старые мои соратники. Была и молодежь. Тогда же разработали порядок движения: десять человек поедут верхами, остальные — на сани.

В день нашего отъезда деревня Борки была необычно оживленной. На единственной узкой улочке выстроились подводы, сновали конники, толпились партизаны, крестьяне и крестьянки, девушки, мальчишки. Нас провожали не только остающиеся товарищи, но и все местное население. Хотя никто из деревенских жителей толком не знал, куда мы едем, но по тщательности приготовлений все догадывались, что уезжаем мы далеко и надолго.

Партизаны столпились вокруг Геннадия Дорожкина, недавно пришедшего в отряд из Литвы и теперь возвращающегося с нами в родные места.

— Там работенки хватит, — повествует он. — Там почти в каждой деревне полицейские, некому их ругнуть. Паны приехали из-за границы, будут подавать нам кушать на золотых подносах.

— А свинцовая закуска будет в ихнем меню? — острит кто-то.

Но Дорожкин не слушает.

— А немцы там жирные, отъелись на даровых хлебах, гуляют как дома...

Вторая кучка собралась вокруг Володи Казака, который держится на своем коне как заправский кавалерист.

— А силен ли твой конь? — пристают к парню.

— А ну, попробуем?

Кто-то схватил коня за хвост и потянул в сторону.

— Р-разойдись! Р-рубить буду! — кричит Казак, высоко поднимая над головой клинок. При этом он делает такие страшные глаза, что, кажется, вот-вот выполнит свою угрозу.

Под общий хохот шутники разбегаются, а Казак ласково похлопывает обиженного Мишку по шее.

Раздается команда: «Трогай!» Верховые выезжают вперед. За ними двигаются повозки.

По Белоруссии ехали открыто и поэтому быстро. За сутки делали шестьдесят-семьдесят километров. Кругом партизанские районы, немцы отсиживаются в городах и больших селах.

С непривычки к таким продолжительным маршам наши кавалеристы скоро начали уставать. Кое-кто из них все чаще пересаживался в сани, жалуясь на ломоту в ногах и спине. Даже Володя Казак, который, придя в отряд, назвался природным кавалеристом, и тот сдал. Однако сколько ни предлагали ему последовать примеру других, пересест в сани, он ни за что не хотел расстаться с седлом.

Проводниками были местные жители. Обязанность подбирать проводников лежала на Чубчике, который руководил разведкой. Проводника обычно сажали на лошадь, и он ехал впереди колонны вместе с нашими конниками.

За сутки проводники менялись несколько раз. Того, который приводил нас на пункт ночевки или дневки, задерживали до момента выезда — так безопаснее. Впрочем, конспирация поставлена плохо. Без топографической карты и точного маршрута часто приходилось говорить проводнику весьма неконспиративно: веди нас так, чтобы выехать правее Сморгони, но левее местечка Медники. Проводник сам соображал, как надо вести...

Разведку вперед высылали редко, больше пользовались сведениями от местного населения. Да и в самом деле: какой был смысл высылать разведку из трех-четырех конных на пять-десять километров вперед? Ведь между нею и колонной в любое время может появиться враг. Словом, зачем нам разведка, когда мы все вместе — только разведка!

Зима в пуще

Тихим зимним вечером партизанский лагерь долго не спит. В теплых землянках потрескивают сальные коптилки.

Могучие ели, окружающие лагерь, покачивают разлапистыми с сучьями ветвями, отяжелевшими от снежных комьев. В землянках шумно. В одной выводит незамысловатую мелодию, гармонию, в другой поют без музыки.

В третьей ребята заслушались интересного рассказчика, в четвертой читают с трудом раздобытую книгу, замасленную и потрепанную.

В штабной землянке — центре всей лагерной работы — проводятся партийные и комсомольские собрания, беседы, совещания командного состава: здесь пишутся боевые приказы, рапорты, донесения, обсуждаются очередные планы отряда.

Сегодня назначена моя беседа. А пока народ собирается, за столом завязывается деловой разговор.

Низенький бритоголовый человек в военной форме, записав что-то в свою тетрадь, негромко обращается к молодому партизану':

— Лошади у всех есть?

— Нет. По моим записям — тридцать процентов безлошадных.

— Как они думают сеять?

— Считаю, что придется помочь своими лошадьми.

Пожилый — комиссар Путилов, молодой — партизанский комендант села Барова Владимир Аланин.

— Прежде всего, — продолжает Путилов, — надо учесть крестьян и крестьянок, у которых сыновья или мужья в Красной Армии. Этим людям всячески помогать. Весной их в первую очередь обеспечить лошадьми. Посеять нынче надо как можно больше. Не забывайте, что этим летом Красная Армия обязательно придет. Разъясните это крестьянам.

— Есть. Будет сделано.

На этом разговор обрывается. Пора начинать беседу.

Тема беседы: «Звериная идеология фашистской партии». Готовился я к ней мало: почти никакой литературы под руками не было, но недостаток печатного материала с избытком окупался обилием фактического. Гитлеровцев мы знали досконально.

Немудрено, что после беседы командиры долго не расходились. Начались рассказы. Богата жизнь партизана событиями. О чем только ни вспоминается длинным зимним вечером!

— Три раза я попадал немцам в руки, — говорит Владимир Чужанов. — И три раза бежал. Всего насмотрелся.

Кто-то вспомнил совсем недавнюю расправу гитлеровцев с мирной крестьянской семьей.

— Пришла к нам в отряд раненая женщина с хутора и сама рассказала. Приехали к ним немцы, окружили усадьбу. Берут хозяина и говорят: «Веди, показывай, где партизаны!» Тот, конечно, отвечает: «Не знаю». — «Как не знаешь? Сволочь, коммунист... Веди, не то...» Крестьянин испугался, но твердит: «Не знаю, где партизаны».

Вывели его немцы из хаты, поставили к стенке. «Пуля в лоб, если не поведешь!» Он твердо отвечает: «Не поведу». Выстрел, и крестьянин упал. Жена с детишками припала к трупам, плачет. А палач пинком поднимает женщину. Сынишка с дочкой за юбку ухватились, не пускают. «Веди! — говорит немец, — не то сына застрелю». Та тоже молчит. Немец выстрелил в мальчика. Мать бросилась на убийцу, вцепилась руками в его морду, он снова выстрелил. Упала мать. Когда очнулась, немцев уже не было. Ей пуля попала в щеку, прошла через шею. Выжила, пришла в партизанский отряд. Ну как после этого щадить фашистское зверье! — с глубоким волнением заключает рассказчик.

Слабый, мерцающий свет коптилки едва пробивается сквозь табачный дым, на бревенчатых стенах дрожат и двигаются огромные тени. Никто не уходит. Рассказы следуют один за другим.

Наконец комиссар круто меняет тему разговора.

— А что ты будешь делать после войны, Володя? — спрашивает он Аланина.

— После войны? — задумывается тот. — Что до войны делал, то и после... Тракторист я...

— А вот я, — продолжал комиссар, — если буду жив, поеду в родной колхоз, в Сибирь, пасечником. Откроюсь вам: на земле нет лучшей должности!

Я не в первый раз слышу от комиссара восторженные отзывы о Сибири и о его работе. И каждый раз мне кажется, что он при этом молодеет на несколько десятков лет.

— Ждут меня мои пчелки. Тоскуют. И я по ним — и того больше.

Из-под седеющих бровей комиссара тепло блестят голубые глаза, морщины сбегаются к уголкам глаз.

— А какой простор у нас в Сибири! Уж если поля — так глазом не охватишь, леса — так конца-краю им нет.

— Эх, комиссар... Разбередил ты мое сердце, — вмешивается в разговор Чубчик. — Сердце

замирает, как подумаю о полной победе над врагом. Счастлив будет, кто доживет до этого дня. Дожить бы, а там и помереть

можно.

— Сказанул тоже! Да тебя тогда от жизни, как кошку от рыбы, не оттащишь!

Упоминание о близкой победе перевело разговор на тему о предстоящих боевых операциях, о переменах в дислокации отрядов... Один из командиров поделился новостью о приезде известного в наших краях партизанского командира — Булата.

С Борисом Адамовичем Булатом я познакомился больше года назад, когда, возвращаясь из Литвы, мы заезжали в район действия его бригады, в Липичанскую пущу, что западнее Налибокской.

Фамилию Булата мало кто слышал в то время. Зато по всей Липичанской пуще и далеко за ее пределами ходила слава о «полковнике Безруком». Немцы назначили за его голову большие деньги, и у них были для этого веские основания. Бригада Булата вписала в летопись партизанской войны немало славных боевых страниц.

Борис Адамович показался мне совсем молодым. Русые волосы вились, из-под бровей глядели умные серые глаза. Сухощавое лицо с резко очерченными скулами и угловатым подбородком. Френч светло-зеленого грубоватого сукна застегнут наглухо, на поясе — парабеллум в черной кобуре. Через плечо — узенький ремешок планшетки.

Правой руки у Булата нет, ее заменяет деревянный протез. Разговаривая, он энергично жестикулирует протезом. Говорит он негромко, но с большой внутренней страстью. Слушая его, невольно думаешь, что человек этот не знал в жизни никаких колебаний и сомнений, что для него — все ясно и определено.

Военная биография Булата очень характерна для партизанского командира. Служа в танковой части на западной границе, он, тогда старший лейтенант, с первого дня войны вступил в бой. Но вскоре при прорыве вражеского окружения, находясь в танке, был тяжело ранен в правую руку.

Несколько дней, пока хватало сил, он шел на восток. А сила с каждым днем убывала. На руке появилась краснота — признак заражения крови. Рана гнила, нужна была неотложная операция. По счастью, на пути встретилась больница — в местечке Деречин. Хотя местечко это и было тылом немецкой армии, однако гитлеровцы в нем еще не появлялись. В больнице работал прежний персонал. Булат обратился к врачу, и ему отняли руку по локоть...

Но лечиться долго не пришлось. В Деречин ворвались немцы и захватили всех находившихся в больнице. Вместе с другими старшего лейтенанта Булата в грязном вагоне повезли на запад. Дорогой в темную сентябрьскую ночь Булат выпрыгнул из вагона.

С этого дня и началась его партизанская биография. Небольшой Бородовиченский лес стал первой резиденцией его группы. Здесь Булат прожил больше месяца. Наладив связь с местным населением, он организовал сбор оружия и боеприпасов, агитационную работу среди населения и, пополнив группу, перешел в Липичанскую пущу.

И уже в мае 1942 года девять отдельных групп объединились в один партизанский отряд. Инициатива объединения принадлежала Булату. Он же на общем собрании представителей групп был избран командиром.

«Большой отряд», как его называли, начал активные действия.

Гитлеровские власти в это время проводили мобилизацию в так называемый «добровольческий корпус» для борьбы с партизанами. Окружая деревни и хутора, фашистские солдаты врываются в них, хватали мужчин и под конвоем гнали в знакомое Булату местечко Деречин. Там записывали их в «добровольцы».

Многие из «добровольцев» сбежали из-под конвоя и прямо из местечка направлялись в партизанский отряд. Немцы сжигали хозяйство бежавших, расстреливали семьи. Более робкие из мобилизованных, испуганные этими расправами, оставались в Деречине, выжидая благоприятного случая к побегу.

Когда в Деречине накопилось уже до пятисот таких «добровольцев», Булат решил разгромить Деречин и освободить насильно согнанных туда белорусов.

Ранним августовским утром «Большой отряд» ворвался в местечко. После часового боя немцы бежали, оставив на месте боя десяток трупов. Семьдесят гитлеровцев попали в плен. Партизаны освободили всех мобилизованных в «добровольческий корпус».

В этом бою Булат, руководя ротой, штурмовавшей штаб, был вторично ранен, но остался в строю до последней минуты боя.

Понеся крупное поражение, немцы всполошились. На уничтожение «Большого отряда» было брошено два полка.

Рассредоточившись, фашисты начали наступление на партизанский лагерь с двух сторон, намереваясь схватить «безруковцев» в кольцо и навсегда покончить с ними. Однако Булат не только разгадал этот план, но и блестяще сорвал его. Удачно маневрируя, он втянул немецкие полки в драку между собой. В результате немцы не досчитались двух рот, а «Большой отряд» благополучно оторвался от противника. Когда немцы поняли, что бьют друг друга, Булат был уже далеко.

Так шаг за шагом в жестоких боях ковались сила, умение и слава «Большого отряда». К сорок третьему году он вырос уже в бригаду, которой было присвоено имя Ленина.

Тысячи уничтоженных гитлеровцев, сотни разбитых вагонов, паровозов, автомашин, пушек, танков, километры порванной телеграфно-телефонной связи, десятки сожженных и разрушенных шоссежных мостов значились на боевом счету бригады имени Ленина.

В отряде «Сибиряк»

С Булатом мы встретились через несколько дней в землянке Лидского подпольного партизанского центра. Узнав меня, Борис Адамович радостно протянул руку.

Разговорились о прошлом. Вспомнили Браева, Двужильного, Казака, Чубчика...

— Кулаков и Казак погибли. Браев попал на мину и его увезли на самолете за фронт... Двужильный командует отрядом. Чубчик, Чужапов, Алании живы. Здесь, в нашем отряде.

Я спросил Булата о цели приезда.

— Поручили организовать новую бригаду, — ответил он. — Есть приказ Чернышева. Название бригады — «Вперед».

— Наш отряд войдет в эту бригаду? -Да.

— А кто будет командовать бригадой?

— Командиром назначен я.

...Вскоре бригада была сформирована, и Булат весь отдался работе. Прежде всего он потребовал от командиров строгого режима дня в отрядах, организовал строевую подготовку.

До сих пор каждый из отрядов, стоявших рассредоточенно по краю Налибокской пуши, выставлял свои караулы и дозоры. Булат приказал наладить общую систему наблюдения и обороны. Уже поэтому стало ясно, что новый комбриг любит порядок и не допустит разболтанности. Он каждый день появлялся в отрядах, присматривался к людям, изучал их.

Часто бывал он и в районе действия бригады, в селах, познакомился с местностью, с обстановкой, с населением. Большие изменения произошли и в командном составе. Командир нашего отряда Яков Агеевич Приданников был назначен командиром бригады им. Рокоссовского. Отряд «Большевик» возглавлял теперь Чужагов.

Он, кажется, очень доволен своим назначением. Ему давно хотелось покомандовать «в большом масштабе». Впрочем, и мы все рады за него: от рядового партизана — до командира отряда! Это же замечательно!

Я не удивился, вскоре заметив в Чужанове много нового. До этого он любил на досуге потравить анекдоты, побалагурить. Теперь же Чужанов стал серьезнее, сдержаннее. Складка сосредоточенности все чаще появляется у него между бровей.

Бросились в глаза и перемены во внешнем его облике. Обычно он ходил без фуражки, с расстегнутым воротом, с засученными рукавами, часто без пояса. Сейчас его гимнастерка была застегнута на все пуговицы, даже чистенький подворотничок виднелся. Фуражка, комсоставский пояс, портупея — все появилось у пария.

И только чуб Чужанова по-прежнему выбивался из-под козырька как свидетельство его лихой отваги...

Изменилось и мое положение. Началось, как водится, с того, что посыльный из штаба бригады принес приказание: «Начальнику штаба отряда «Большевик» явиться к командиру бригады...»

Через час я открыл дверь землянки Булата.

— Товарищ комбриг, по вашему приказанию...

— Садись.

За столом, рядом с Булатом, — Николай Васильевич Пронькин, бывший командир отряда «Сибиряк», а сейчас комиссар бригады.

— Ванюша, что сегодня во сне видел?

Я удивляюсь и ласковости тона, и столь неожиданному вопросу.

— Не помню, товарищ комиссар. Да и в сны не верю.

По тому, как Николай Васильевич улыбнулся, взглянув на Булата, я догадался, что мне что-то приготовлено необычное.

— Мы вот тут потолковали с комиссаром, — начал Булат, — и решили назначить тебя командиром отряда «Сибиряк». Как ты на это смотришь?

Как я на это смотрю? Это для меня было неожиданностью. Расстаться со своим отрядом? Хорош он или плох, но свой, до боли родной... Там у меня боевые друзья... Нет, никак не уйти мне из «Большевика»!

Волнуясь, излагаю все эти соображения. Булат смеется:

— Друзья друзьями, а дело требует, чтобы ты стал командиром «Сибиряка».

Я обидчиво возражаю:

- Разве я больше не нужен «Большевику»?
- «Большевику» ты нужен, но «Сибиряку» нужнее. Подумай, а завтра скажешь свое решение.
- Не забудь, что ты сам сибиряк, — добавил комиссар.
- Разрешите идти?
- Да.

Из штаба бригады еду шагом. Меня волнует близкая разлука с друзьями. - В голове роятся противоречивые мысли.

Буллат сказал «подумай». Но ведь это он только дает время свыкнуться с новым назначением. Чего же тут думать? Прикажет — и, думай не думай, придется принимать отряд. Я привык подчиняться приказу.

Но как расстаться с боевыми товарищами? С ними я смело иду на любое дело, знаю их сильные и слабые стороны. А как на новом месте?

Тихо подъезжаю к лагерю отряда. Навстречу выходит Чубчик, Алании, Чужанон. Чувствую, что они уже «в курсе событий».

— Поздравляю, поздравляю, — улыбаясь, протягивает руку Чубчик.

— Дал согласие? — спрашивает Чужанов. — С кем же я останусь? Только что принял отряд, а у меня отрубают правую руку. Сейчас же еду к Булату, скандал подыму!

Но «скандал» не помог.

В отряде «Сибиряк» моих земляков действительно было много. Они составляли основное ядро.

Прежде чем попасть к нам, отряд прошел около шестисот километров по тылам врага. По пути он рос за счет местных жителей и партизан из других отрядов, захотевших воевать вместе с сибиряками.

Новый отряд, как и наш, вошел в бригаду Булата.

...Утром Николай Васильевич сам повел меня в лагерь «Сибиряка». Отряд был уже выстроен около землянок.

- Смирно! Равнение направо! — скомандовал начальник штаба и четким строевым шагом подошел ко мне. Козырнул и, впившись в меня большими серыми глазами, доложил:

— Отряд выстроен по вашему приказанию! Начальник штаба старший лейтенант Сумаков!

— Дайте «вольно»!

Я не удержался от улыбки. Мне понравились и отчетливая громкая команда, и сам старший лейтенант — моя теперешняя «правая рука».

Николай Васильевич берет слово и рекомендует меня: «Парень — сибиряк, давно партизанит» и прочее и прочее. Любите и жалуйте.

А я в это время на минуту перенесся в детство. Я родился в разгар партизанской борьбы в Сибири. Рассказы о партизанах, воевавших против белых, крепко запали в мою детскую душу. Немало я видел партизан и в нашем селе. Я восхищался их борьбой. А вот теперь я сам партизан и даже командир небольшого отряда... В самом деле, я счастливый!

Основным объектом боевых операций «Сибиряка» были железнодорожные коммуникации. Пустить эшелон под откос теперь, в сорок четвертом году, было не так-то легко. Дороги охраняются исключительно зорко: кое-где они даже обнесены проволочными заграждениями. Построены дзоты, у которых непрерывно дежурят команды охранников. Эшелоны ходят медленно, не быстрее пятнадцати-двадцати километров в час. Чтобы взрыв был эффективным, надо положить крупный заряд и притом на большом уклоне.

Для усиления подрывной работы мы создали в отряде специальные комсомольско-молодежные группы, во главе которых поставили испытанных подрывников-комсомольцев. Одну группу возглавил Янюк, имеющий на своем счету пятнадцать взорванных эшелонов, другую — Роговин, пустивший под откос десять составов.

Наши подрывные группы в поисках лучших мест для диверсий уходили очень далеко и подолгу жили около железной дороги, изучая подходы, систему охраны, профиль полотна. Существовала у нас и своя маленькая тактическая хитрость. Дело в том, что по эту сторону ветки Лида—Молодечно местность была лесистой, «партизанской», а стоит перейти через линию — на «Лосскую землю» — сразу окажешься в открытой степи, тянувшейся на десятки километров. Немцы приложили все усилия, чтобы защитить лесистую сторону линии от партизан, но мало позаботились о степной.

Разведав об этом, наши подрывники сделали для себя резонный вывод, что «железку» надо рвать с «Лосской земли». Направляясь на диверсию, они сразу (с боем или без боя) переходили через железную дорогу, несколько дней жили на одном из хуторов, а затем подбирались к дороге, рвали ее и отходили снова на хутора.

В последнее время ни один отряд бригады не мог подорвать эшелон, а партизаны из нашего отряда рвали.

К диверсиям прирастилась не только молодежь. Одним из лучших подрывников стал Егор Федорович Гамоскин, дядя Егор, как его звали бойцы. Он входил в одну из диверсионных групп и не пропускал ни одного марша на «Лосскую землю». Как сейчас вижу лицо, все испещренное

черточками мелких морщин, черные большие усы, черные густые брови, карие глаза... Бывало, придет со взрыва, выпьет стопочку и пойдет по кругу.

— Товарищ командир! Четвертый эшелон! Мы еще покажем немцам, что такое сибиряки!

У него была большая дружба с Варей Николашиной, тоже сибирячкой, студенткой одного из новосибирских институтов. Вместе с ней ходил он на взрывы, а на отдыхе они вместе пели «Летят утки». Тягучая песня напоминала им, как и мне, широкие просторы родного края.

...Одна беда: мало тола.

Большая земля не могла полностью удовлетворить наши запросы. Поэтому иногда приходилось доставать его не только правдами, но и неправдами.

Передо мной дневник Володи Вашкевича, заместителя комиссара отряда по комсомолу. Вот запись за 10 февраля 1944 года:

«Встал в восемь часов утра и пошел в штаб бригады за утюгом. Он нужен, чтобы разгладить два костюма, за которые морозовцы (соседняя бригада) обещают дать 12 килограммов толу. Начальник штаба бригады говорит: «Что ты, Вашкевич, заделался не то хозяйственником, не то Прачкой?» Я ему отвечаю: «Когда надо, станешь и Прачкой...»

А вот моя запись — о результатах действия тола:

«За три месяца взорвано 9 эшелонов. Разбито или повреждено паровозов — 9, вагонов и платформ — 80, убито гитлеровцев при крушениях — 190, ранено — 90, разбито автомашин — 48, танков — 8, пушек — 2».

Последние полмесяца нашей партизанской борьбы были совсем не похожи на все прежние. Как только мы узнали о наступлении Красной Армии на нашем направлении, вся бригада вышла на железную дорогу и разрушила ее на громадном участке.

Потом настали и вовсе горячие дни. Каждый партизан превратился в охотника за перепуганными, грязными, вшитыми фрицами.

Дядя Егор звал их паутами.

— У нас и Сибири в этот месяц много паута летает. Не дает паут покою ни человеку, ни скотине... И вот скотина отмахивается от него хвостом, мотает головой, бьет ногами, а человек, когда уж очень злится на этого гнуса — поймает его и казнит.

«Пауты» двигались на запад группами по десять-пятнадцать, а то и больше человек. Партизанские отряды, стоявшие в Налибокской пуще, ловили их, а если те оказывали сопротивление, уничтожали.

Между бойцами и подразделениями развернулось даже что-то вроде соревнования: кто больше наловит фашистов. Помню, как один боец после стычки с немцами приставал к товарищу, ведшему пленного:

— Отдай! «Мой» немец!

...Далеко на востоке — отблеск пожаров, гул боев. В пуще тоже беспокойно: то в одном, то в другом месте поднимается стрельба.

Отряд не спит. Люди — в засадах, в секретах, на постах. Вот в густом сосняке затрещал валежник. Ближе, ближе. Немцы! Засада подпускает их почти вплотную и бьет залпом. Уцелевшие сдаются в плен или скрываются в темноте, чтобы вскоре напороться на новую засаду.

Пленных ежедневно и еженощно приводят в штаб.

Спрашиваешь: «Куда идете?» — «Нах вест, нах Лида...» Часто и тяжело вздыхают. Очевидно, вздохи эти надо понимать так: «Ох, не легок путь из России!»

Смотрят заискивающе, часто твердят:

— Партизан — гут, гут...

Насколько жестоки в победе, настолько же трусливы в поражении!

Недавно мы захватили фашиста и отобрали у него большой печатный список «Почетных граждан Кенигсберга». Его фамилия в списке была подчеркнута жирной линией. Он, видимо, хранил этот список, как святыню.

Теперь он сидел перед нами обросший, осунувшийся, в солдатской форме, которую успел напялить на себя. На крупном теле солдатский мундир трещал по швам.

Как все меняется в жизни — к лучшему!

В местечке Ивье наш подпольный райком уже работает по восстановлению советской власти. Создается истребительный батальон. В него наш отряд выделил группу лучших бойцов. А через несколько дней решилась судьба и остальных бойцов. Я получил приказ выводить отряд в Ивье. Жить в пуще больше нет надобности — движение немецких групп почти прекратилось.

Когда я объявил приказ перед строем, с людьми сделалось что-то неопишное. Кричали «Ура!», тискали друг друга в объятиях, плясали...

Партизанские сборы коротки. Через час-полтора мы отошли от землянок. Выезжая на дорогу, я повернул коня, чтобы еще раз взглянуть на свой лагерь. Снял фуражку и помахал всему тому, что пережито и пережито здесь.

— Прощай!

Вскоре отряд вышел на шоссе, ведущее в Ивье. День знойный. Небо чистое. Серебрится, переливаясь над полями, море июльской жары.

На дороге и в полях валяются исковерканные пушки, танки, повозки, автомашины — мертвые свидетели панического отступления врага к победного шествия наших войск. На большом щите, воткнутом на обочине шоссе, призыв: «Воины Красной Армии! Победа близка. Нарращивайте удары!»

Отряд нагоняет колонна армейских грузовиков с пехотинцами. Лица запылены так, что видны лишь глаза да зубы. Грузовики идут нескончаемым потоком. Солдаты подолгу машут нам пилотками, что-то кричат. Некоторые машины останавливаются, соскочившие с них бойцы подходят к нам, крепко кого-нибудь обнимают, трясут руки. Расспрашивают о землянках, обмениваются на память несложными вещичками, личным оружием.

Незабываемый день! По израненной белорусской земле идут советские воины. Окрыленные славой, несущие на запад большую человеческую правду, они смело смотрят вперед, в будущее, имя которого — Победа и Мир.

В Минске, в Штабе партизанского движения, куда нас, командиров, вызвали для отчетов, неожиданно встречаю знакомое, слишком знакомое лицо.

Пристально смотрю на профиль. Человек оборачивается ко мне.

— Цыкунков!

Да, это он, начальник штаба нашего батальона, командовавший остатками полка. Мы расстались с ним в день последней атаки — три года тому назад...

Цыкунков долго вглядывается в мое лицо, напрягает память, морщит лоб.

— Нет, нет, не говори свою фамилию! Я вспомню.

И он действительно вспомнил. Да и как не вспомнить, когда больше года служили в одном полку, вместе воевали...

Сначала Цыкунков требует отчета от меня, а затем рассказывает о себе. Он тоже все это время партизанил. Командовал отрядом. Сейчас сдал отчет и получил назначение в Гродненский обком партии...

Вскоре мы получили газеты с Указом Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза белорусским партизанам. Среди других имен в Указе было названо и знакомое имя комбрига Бориса Адамовича Булата.

Среди награжденных орденами и медалями нахожу десятки фамилий старых боевых друзей.

Где они теперь?

Я этого не знаю. Но знаю, что они и сейчас так же честно служат своей Родине, как служили ей на полях партизанской славы.